

**ЗАУР
АРШБА**

**МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ**

**ЗАУР
АРШБА**

**МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ**

**Сухум.
2025**

Аршба З.К.

Мои воспоминания. Сухум. 2025. – 112 с.

Книга представляет собой воспоминания автора, в которой подробно описаны история его рода, годы детства, учёба в школе, в Московском горном институте, работа инженером на стройке, а, также военные и послевоенные годы его жизни.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Аршба З.К. - Сухум. 2025.

ГЛАВА 1. ВКРАТЦЕ О МОЕМ РОДЕ АРШБА¹

Радость жизни (Шулиман Аршба).

В Сухуми полным-полно Аршба. Если перефразировать кавказскую поговорку, то получится так: «Разрежь арбуз, и оттуда выскочит Аршба». В редакции газеты – Таризэл Аршба. Первый доктор медицинских наук в Абхазии – знаменитый врач Сократ Аршба. Всесоюзную спортивную базу в Эшере, известную всем нашим чемпионам, проектировал Заур Аршба, строил Рафаил Аршба, а заведует ею бывший боксер Эрик Аршба.

И такая «семейственность» всюду. Алексей Аршба, сражаясь в Севастополе, добыл 28 «языков» и погиб в разведке. Через двадцать лет после войны нашли фотографию Алексея, молодого, улыбающегося, в бескозырке и бушлате, с пулеметными лентами крест-накрест на груди, и показали его старой матери Маруше Аршба. Местный фотограф запечатлел миг этой встречи.

Морщинистое лицо старой абхазки невозмутимо, а в глазах боль... Сухумские Аршба ведут счет фамильным заслугам. Но жестоко ошибется тот, кто подумает, что Аршба – чисто городское племя, возросшее в сени жестяных и мохнатых пальм сухумского прибрежного бульвара. Все абхазы – исконные деревенские жители. Лишь в последние полвека они хлынули в города.

¹ Н.Я. Марр, О языке и истории абхазов. Л., 1938. И.Б. Шафиро, Я.М. Дарсания и др. Долголетние люди Абхазии. Сухуми, 1956. Ш.Д. Инал-ипа, Абхазы. Сухуми, 1965. И.А. Аджинджал, Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. Опубликовано: «Земледельцы», серия «Жизнь замечательных людей», Москва, 1975, с. 254-286, глава "Радость жизни (Шулиман Аршба)". (Материал взят с сайта: <http://arshba.ru/>.)

Но так уж повелось – никогда, ни один из них не обрывает связей с деревней и родом своим. Он помнит наперечет сотни и сотни родственников и выполняет по отношению к ним определенные обязанности. В Абхазии круглый год светит солнце, земля щедра на плоды, а люди гостеприимны и доброжелательны. Поговорить здесь любят. И в городе, и в деревне. И говорят интересно, с живописными подробностями, умело плетя сюжетную канву.

В абхазских деревенских общинах, ораторское искусство высоко ценилось издревле. Его шлифовали в застольных речах и на мирских сходках. Вошел в историю случай, с которого началось знаменитое Лыхненское крестьянское восстание. 25 июля 1866 года неграмотный крестьянин Осман Шамба произнес перед семитысячной толпой страстную речь. И она длилась восемь часов подряд.

Три переводчика, излагавшие ее по очереди для присутствовавших царских чиновников, охрипли и не могли больше говорить. А знаменитый оратор все гремел над возбужденной площадью, время от времени обращаясь по традиции с вопросом к крестьянам: «Так ли я передал ваши мысли?» И все кричали: «Так, так!..» – Мне говорили, что и Шулиман Аршба был замечательным оратором...!

Шулиман Аршба... мудрец и патриарх рода Аршба. Он знал все тайны народной агрокультуры, у него был лучший в округе виноград и лучшее вино, он вывел новые сорта яблок. Я с ним встречался не раз. Впервые в 1938 году. Шулиман тогда был еще совсем молодым. Ему и ста десяти лет не было. Я только что окончил институт и преподавал историю в школе села Гуп, неподалеку от Ткварчели, занимался этнографией.

Мы с моим другом, тоже учителем, отправились к Шулиману порасспросить о кое-каких обычаях. Пришли к воротам его дома, вы его увидите... Шулиман до своего последнего дня не прекращал трудиться. И в тот день он

тоже работал – полол в огороде кукурузу. Мы окликнули его. Он вышел из кукурузы и, как нам показалось, даже не взглянув на нас, пошел через двор в дом.

На нем были белоснежная рубашка и чистые галифе. Немного погодя он вышел из дому, но уже в архалухе, застегнутом на все пуговицы, и лишь тогда ответил на наше приветствие и начал беседу. Казалось бы, что тут такого, подошел бы к нам в рубашке. Нет, он счел это неприличным. Его белая рубашка до сих пор перед глазами стоит... А вскоре, продолжал историк, произошло событие, едва не кончившееся кровопролитием.

Мой друг-учитель влюбился в девушку из рода Аршба. Звали ее Ксенией. Она тоже полюбила моего друга Кадыра и дала обещание стать его женой. А надо вам сказать, что похищение невесты с ее согласия у нас и сейчас один из способов заключения брака. Сперва умыкают, потом расписываются. В тот традиционный набег нас выехало из Гула человек пятьдесят.

Все друзья жениха, разряженные, веселые, верхом на лучших лошадях... Жених вез бурку – в нее мы должны были поймать Ксению, которая обещала выпрыгнуть из окна своей комнаты на втором этаже. Однако, подъехав, невесты в окне мы не увидели. Возле дома были ее родственники, а в дверях стояла мать. Это значило, что родители наотрез отказываются выдать Ксению за Кадыра.

Для него это было страшным позором. До революции за отвергнутого не вышла бы замуж потом ни одна девушка. Среди приехавших конников поднялся ропот, кое-кто предлагал напасть на дом и отнять Ксению силой. Я знал, что так и может произойти, потому что вернуться в свое село без девушки значило подвергнуться насмешкам, обвинению в трусости.

Особенно будут стараться женщины, они у нас умеют разжигать страсти. А если в схватке кого-нибудь случайно убьют, начнется мщение... Кадыр бросился к Шулиману

Аршба и попросил вмешаться и уладить дело. «Сынок, – сказал старик, – я помню рождение твоего отца. Я знаю, что ты не можешь вернуться в Гуп, но я знаю и людей, которые тебе помогут...» Шулиман собрал стариков, и они пошли к дому невесты.

Мать ее, по обычаю, не имела права разговаривать с Шулиманом, но она не выпускала из рук топора. Молча она загородила ему дорогу в дом.

– А почему же она не хотела выдать Ксению замуж? За учителя все-таки?

Историк помялся, а потом сказал:

– Видите ли, в те годы у некоторых еще были сильны сословные предрассудки. Некогда существовала кастовость. Были князья, дворяне, «анхаю» – свободные крестьяне, крепостные и рабы. Аршба были «анхаю», а отец жениха, очевидно, когда-то стоял на более низкой ступени общественной лестницы. Во всяком случае, Шулиман Аршба пренебрег предрассудком.

Он прекрасно знал все неписанные законы, и это дало ему возможность найти выход из положения. Но не сразу. Сперва начались переговоры между стариками. Обе стороны уселись на поляне метрах в ста пятидесяти друг от друга и общались через «послов», которые сновали то в одну сторону, то в другую. Там все и решили. Потом устроили нечто вроде митинга.

В своей речи Шулиман подчеркивал, что надо избежать кровопролития. Он одолевал ожесточение спокойствием и здравым смыслом. «Раз девочка полюбила и хочет замуж, ее хоть в сундук запри... Через неделю, через месяц она все равно поставит на своем и снова будет вражда. Так лучше по-доброму сделать». Были соблюдены все церемонии, страстям дали успокоиться, а на другой день сам Шулиман Аршба вывел за руку девушку из дому и посадил на лошадь.

И на свадьбе был почетным гостем, стрелял в честь невесты. «Шулиман, – спросил его кто-то, – как глаза?» – «Видят». – «Вон три ореха на кончике ветки. Собьешь?» Принесли винтовку, и он, не сходя с тахты, на которой сидел, сбил все три ореха. Какое у него было зрение! В горячую пору, если дня не хватало, ночью полол кукурузу, при лунном свете. Куда нам, молодым, до него, столетнего!.. Каждую былинку видел...

Не было видно ни зги в том Аиде, каким представилось нам ущелье реки Гализги дождливым вечером, когда мы спрыгнули с площадки вагона где-то на полустанке, не доезжая Ткварчели. Поезд отгремел прочь, унося с собой железнодорожный перегар, и на нас нахлынули запахи мокрой земли, листвы и цветов. Рокотала невидимая река.

Дождь ударил еще пуще. Напоенный им воздух льнул к лицу, как мокрое теплое полотенце. Мой проводник неплохо знал эти места и весьма уверенно свернул на тропу, которая круто устремилась вверх и уже не поощряла никаких вольностей – шаг вправо, шаг влево, и на вас набрасывалась свирепая колючая растительность.

Вскоре мы вышли на каменистую дорогу, но она тоже шла в гору, и чем дальше, тем круче был подъем. Историк примолк, заглушенный одышкой. После еще двадцатиминутного подъема мы остановились у железных ворот, за которыми лаяла, похоже, целая свора разъяренных псов. И вот уже большая, светлая комната, в очаге весело пляшет огонь, кипит в котле вода для мамалыги, дергается обезглавленная курица, лежит наготове вертел, рубиново светится прошлогоднее вино, радостно улыбаются хозяева – вступают в силу абхазское гостеприимство и этикет.

Хозяйка держит кувшин с водой и чистое полотенце.

– Помой руки, да приму на себя твои беды! – говорит хозяин.

Полагается отказываться, уступать ему место, долго препираться с ним из вежливости. Входит племянник

хозяина, молодой инженер, смотрит на нас и весело смеется. Броня этикета рассыпается в прах. Но гостеприимство есть гостеприимство. В давние времена, говорят, хозяин обязан был принять ночного гостя, если даже это убийца его сына.

На столе обычная абхазская пища. Густая кукурузная каша, которую варят в котле, непрерывно размешивая ее большой деревянной мешалкой. Когда она уже в тарелках, в нее втыкают ломти упруго-резиноватого сыра. Ее едят руками, формируя пальцами белые шарики. Едят с сыром, с густым кислым молоком, с фасолью, со всякой вельню, с мясом.

На десерт – початки молодой вареной кукурузы, грецкие орехи, фрукты, мед. И это все, если не считать терпкого вина, способного вызвать опьянение разве что в очень большой дозе. Одновременно на столе появляется гордость дома – потрепанный журнал «СССР на стройке» 1948 года. В нем на развороте трое в черкесках. У двоих на груди золотые звездочки Героев Социалистического Труда, у третьего – орден Ленина.

– Это мой отец Вартан Аршба, это мой брат Владимир Аршба, это я, – поясняет хозяин Николай Аршба. – Отец и брат стали героями в один год. В сорок седьмом. Отец собрал на своем участке семьдесят пять центнеров кукурузы с гектара. Владимир снял два урожая табака за одно лето.

О себе он умолчал.

В комнату вошел невысокий пожилой человек, и все встали. Он был старше всех по возрасту.

– Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста, – сказал он.

Это был Владимир Аршба.

Я уже знал от историка, что Вартана Аршба, отца Владимира и Николая, нет в живых. Но я не знал, что старик с орлиным носом, глядевший со страницы журнала, положив руку на кинжал, был храбрый человек, до революции силой отстоявший свою землю от посягательств князя Шмафа

Ачба и говоривший смелые речи под большой липой, где шумели крестьянские сходки.

Неграмотный, Вартан Аршба стал одним из первых председателей местного колхоза, носившего тогда название «Любовь». Он делал на дереве зарубки, учитывая чужой труд, и с облегчением уступил место председателя приезжему человеку, которого за не виданные здесь очки прозвали «четыреглазым». С четырьмя сыновьями Вартан рубил лес, корчевал пни и сжигал их. Вozил на новые поля навоз...

Война взяла жизнь одного из его сыновей. Другой стал кадровым военным. Двое остались в колхозе. Владимир был бригадиром, а отец – звеньевым у него. Работали все вместе. В январе начинали пахать. В феврале ударял мороз, проникал в рыхлую почву и убивал вредителей. От января до марта все листья и стебли сгнивают в земле. В марте они боронили поле трижды.

Сажали кукурузу и трижды ее пропалывали. Следили, чтобы стебель от стебля был па расстоянии не больше и не меньше 60 сантиметров. И не жалели навозу. И отрезали метелки у кукурузы через одну, чтобы початки были покрупнее. По три-четыре початка на каждом стебле. Сколько любви и труда вложено в эту кукурузу, что сварена и теперь горой лежит на столе, такая вкусная с аджикой – толченой зеленью с перцем и солью!

Никто из сидевших за столом абхазов не курил. Но толк в табаке они знали. Курильщики о табаке ничего не знают, они только курят. Покажи им листья сорта «самсун» или «трапезунд», что они скажут? Ничего. Они не знают, что «самсун» ароматнее, что листья у него равномернее распределяются вокруг стебля, что ухода за ним больше.

Аршба растили табак и кукурузу одновременно. Сажали табак 17 марта. Рассаду выращивали заранее, в теплицах. Сверлили в земле палкой ямки и под каждый корень подкладывали навоз. Еще снег был в горах, а табак уже

зеленел. Через четыре дня после высаживания – прополка. Через шесть дней – новая прополка. Через 10 дней – окучивание. Земля становилась крепкой, того и гляди задушит табак. Надо тонкой палкой все время рыхлить у стебля. Через 25 дней – первая ломка листьев. До июля шесть раз ломают листья.

Однажды Владимир заметил сломанный стебель. Он отрезал его ножом, а через несколько дней на остатке стебля появились новые ветки и листья. И он решил провести эксперимент – снять второй урожай после июля. Посоветовался с отцом. Отрезали верхушки у всех стеблей, пропалывали, окучивали, протыкали палочками дырки в земле у корней и набивали их навозом. Получилось. Правда, качество листьев второго урожая было похуже.

В тот год урожай кукурузы и табака был такой, что наградили всех троих Аршба. Может быть, специалисты по табаку будут говорить, что в Абхазии заново открыли Америку. Но Аршба тогда никто не подсказал, что творилось до них в мировой практике. Судили же справедливо, по результату. Но и кукуруза, и табак не исконные культуры в здешних местах. Когда-то тут сеяли только просо.

Значит, в течение двух-трех поколений был получен навык, крестьянский опыт, позволивший выращивать такие громадные урожаи. Кто же был собирателем этого опыта, кто хранил секреты крестьянской агрономии?

– Как кто? – сказал Владимир Аршба. – Старики все знали и говорили, как делать. Земля у нас хорошая, климат – лучше не бывает. Не ленись, работай – и будет урожай. Когда мы с отцом ставили рекорды, еще жив был Шулиман Аршба. Отец к нему ходил советоваться, все к нему ходили. Он все помнил, все умел. Это он построил у нас собственными руками первые табачные сушильни...

– Ну что ты сидишь! – раздался вдруг голос хозяйки дома.
– Зачем терпишь?

Все подняли головы и увидели, что ее взгляд устремлен на мужа. В лице Николая Аршба не было ни кровинки, Он сидел неподвижно и давно уже молчал.

– А!.. – сказала, махнув рукой, хозяйка. – Пропорол ногу ржавым гвоздем, и все равно надел тесные сапоги. Сними, гости простят тебя...

Общими усилиями заставили Николая снять сапог. Носок пропитался кровью. Все в один голос стали уговаривать Николая воспользоваться машиной племянника, съездить в Ткварчели и сделать противостолбнячный укол. Но он только сказал:

– Промою водкой.

И вышел.

У абхазов считается постыдным говорить о физической боли. Ее терпят и молчат. У них даже есть предание, напоминающее балладу Алексея Константиновича Толстого «Василий Шибанов».

Однажды абхазский народный трибун, увлекшись своей речью, нечаянно пронзил посохом с острым железным наконечником ногу молодого соседа, который, несмотря на страшную боль, терпеливо ждал конца выступления старейшины, не выдавая страдания ни единым звуком, подобно стремянному князя Курбского. И хотя Николай скоро вернулся, было уже не до застольных разговоров, потому что его бил озноб...

Утро было солнечным.

Мы спали на втором этаже. Историк вышел на балкон и поманил меня к себе. И когда я увидел то, что было сокрыто вчера темнотой ущелья и мрачной завесой дождя, он развел руки и улыбнулся гордо, будто сам только что сотворил окружающую нас благодать.

Усадьба Аршба была на вершине холма, плоской, превращенной в обширный луг с короткой ярко-зеленой травой, на котором росло с десятков могучих деревьев. Луг с двух сторон замыкали два больших дома с роскошными

белыми лестницами, которые вели на вторые этажи. Справа виднелось какое-то приземистое, но очень длинное строение с тонкими колоннами по всему фасаду. Слева луг заканчивался длинной, тоже белой, балюстрадой, за которой открывался вид на ущелье и снежные вершины Кавказских гор.

Уже пожелтевшие поля, окаймленные зеленым кустарником, ниспадали террасами к реке Гализге, бившейся с шумом в теснине, а за ней вздымались волнами покрытые лесом горы, сиреневые скалы над ними, а еще выше, в синем небе таяли белые шапки пиков.

Но сказать, что так тут живут лишь герои труда, значило бы погрешить против истины. В низине и на плоских вершинах холмов виднелись такие же добротные двухэтажные дома и просторные дворы-лужайки.

За балюстрадой, окаймлявшей двор усадьбы Аршба, начинался склон холма. Там был сад и росла кукуруза. Маслянисто поблескивал инжир, прятались в листе румяно-матовые персики, желтели яблоки и алыча, оранжево светилась хурма. Несколько могучих ореховых деревьев и чинар, обвитых лозой, казалось, кряхтели под тяжестью великого множества лиловых гроздьев «изабеллы». Кукуруза рядом, и та напоминала лес; стебли ее были четырехметровой высоты.

Неслышно подошел Николай Аршба. Боль в ноге, к счастью, прошла; он давно встал и работал по дому. Снова вступил в действие ритуал гостеприимства.

Плодовитый писатель прошлого века В. Немирович-Данченко писал о своем путешествии в Абхазию:

«Возьмите любого крестьянина – абхаза, горца – как он красив, ловок, как он сумеет всюду и при всякой обстановке отстоять свое достоинство, не растеряться, не ударить в грязь лицом?

И в этой бедной семье абхазского поморья мы встретили такой изящный прием, как и в других местах горного

Кавказа. Обитатель этого шалаша нисколько не стыдился своей бедности, и владетельный принц едва ли мог принять нас с таким же достоинством и радушием...»

Шалаш в этом дворе был. Николай показал плетеную хижину, в которой жили Аршба во время оно. Посреди ее лежали камни очага, на стенах была развешана утварь, ставшая старинной за какие-то три последних десятилетия. От этого домашнего музея мы прошли к длинному, этак метров двадцать пять, зданию с тонкими колоннами.

– Что это?

– Свадебный дом. На триста человек гостей. Только что закончил строить, – скромно отвечивал Николай.

– Неужто у вас так часто бывают свадьбы? Или это общий дом, для всех соседей?

– Нет, это дом только нашей семьи.

У Николая и его жены была лишь одна приемная дочь, да и та только-только пошла в первый класс. Так неужели для нее?..

– А!.. – сказала мне тихо жена хозяина. – Вы знаете мужчин! У всех есть свадебные дома, и он тоже захотел...

Известно, что вопрос престижа для горца всегда был наипервейшим. Но если прежде его честолюбие удовлетворялось славой храбреца, трудолюбивого хозяина, а то и просто умением ловко носить черкеску и оружие, то теперь – с достатком... Право же, в щедрых похвалах Советской власти, которыми пересыпались вчерашние тосты, не было и тени демагогии и неискренности. Не было ее и в тостах, поднимавшихся за русского человека, за русского крестьянина.

Многие абхазы служили в армии и побывали в северных краях. И неизменно приносили с собой любовь и уважение к русскому человеку. И недаром они называют своих сыновей именами друзей по оружию. Тяга к русскому проявляется и в том, что в некоторых деревнях древнее слово «аб» вытесняется русским «отец». Историк рассказывал, что в

крестьянских семьях появляются такие мужские имена, как Маладец, Салдат, Герой, и женские – Девочка, Светличка...

В ином доме встретишь Ивана и его брата Ванечку. Может быть, это смешно, но показательно. Лет семьдесят тому назад в Ткварчельском урочище среди субтропической растительности кое-где были расчищены поляны, на которых стояли жалкие хижины крестьян, с великим трудом, вырывавшим у леса свою скудную долю земли.

Холодная пора здесь длится недолго, но старики помнят, как все сбивались у примитивных очагов, как снег врывался сквозь плетенные из прутьев стены и таял на личиках лежавших в люльках младенцев. Раскрывая полированные дверцы шкафов и разглядывая свои многочисленные костюмы, вспоминают они, как давали очередному жениху на свадьбу кто новую рубаху, кто штаны без заплат, кто щегольские сапоги. Это так и называлось – «жениться в чужих штанах».

Для свадеб возводились навесы на столбах, но какое расстояние лежит между ними и нынешними «свадебными домами» с их бетонными стенами и шиферными крышами! Они работали на своих полях и несли тяготы барщины на дворянских, хотя в общем-то взаимоотношения крестьян со знатью были своеобразными, этакая смесь родового общинного строя с феодальным.

Дворяне отдавали своих детей на воспитание в крестьянские семьи, возникало молочное родство, но оно же приковывало крестьян к дворянскому роду, накладывало на них дополнительные обязательства в отношении феодала, который не стеснялся брать со своих «родственников» подати. Крестьяне-общинники стремились к лучшей жизни.

Они строили дома, расчищали под поля новые участки, но все это у них правдами и неправдами отбирали, хотя внешне сохранялось нечто вроде военной демократии – и общинники, и дворяне собирались на сходки в специально отведенном месте, под громадной липой, что росла между

Гупом и Ткварчели. Революционные события в России докатывались и сюда.

На сходке тот же Варган Аршба, по рассказам, заявил дворянам: «Люди похожи друг на друга – две руки, две ноги... Вот и работайте на себя». Набирала силу крестьянская община, старики поощряли взаимопомощь, вырабатывалась солидарность. Старейшины Гедлач и Шулиман Аршба в 1905 году запретили всем Аршба выходить на прополку дворянских полей. Князь Ачба тогда вызвал Гедлача, но тот не явился. Князь приехал к нему сам.

– Почему бунтуешь народ? – спросил он. – Вели людям выходить...

– Я сам пристрелю всякого, кто будет на вас работать. Хватит! – ответил Гедлач.

По преданию, он внедрял в крестьянских хозяйствах цитрусовые, организовал доставку в Абхазию из Греции мандариновых и лимонных саженцев. После смерти Гедлача Аршба старейшим в роду стал Шулиман Аршба, о котором с таким уважением и восторгом рассказывал историк. Шулиман уважал только труд; и недаром в народе стал знаменитым один из его застольных тостов, самые удачные из которых в Абхазии имеют хождение наравне с другой неписаной литературой – сказаниями и песнями.

Это было уже перед революцией. Князя Таташ и Дмитрий Маршания в сопровождении молодых дворян приехали повеселиться к ткварчельскому целебному источнику. Они заехали к местному крестьянину Якубу Тарба, который по законам гостеприимства устроил им угощение, позвав и местных старейшин. Знать вела себя шумно, хвасталась богатством, костюмами, болтала о знаменитостях, произносила тосты, на которые Шулиман Аршба счел нужным ответить так:

– О князьях и дворянах я говорить не буду. Не мое это дело. Дай бог прожить нам, крестьянам! Это благословенное имя. Выпьем за него! По-абхазски, «крестьянин» (анхаю)

означает «тот, кто трудится». Все поняли намек, и дворянское хвастовство за столом прекратилось.

В 1916 году у того же Тарба произошел конфликт с местным князем Ачба. Княжеский сынок взял не спросив крестьянскую лошадь, загнал ее и, чтобы замести следы, сбросил ее с обрыва. Но Тарба решил не оставлять этого дела и обратился к крестьянским старейшинам. Во главе с Шулиманом они собрались под знаменитой липой и вызвали князя. Князь приехал с целой свитой.

– Чего вам надо? – надменно спросил он стариков.

Те объяснили.

– Ну и что! Как же вы собираетесь заставить меня расплатиться с ним?

– А так, – сказал Шулиман Аршба. – Мы сейчас же пошлем человека, возьмем у вас равноценную лошадь и отдадим Якубу Тарба. Князь схватился за кинжал. Все встали, и князь увидел, что с миром ему не сладить.

Шулиман Аршба дожил до 1957 года, и было ему тогда более века с четвертью. На его глазах произошло преобразование родного ущелья, и все Аршба, его младшие родственники, зажили иной жизнью. Но изобилие не приходит само. Хороший климат, плодородная земля – это еще не все. В каждый клочок этой ухоженной земли вложен громадный труд земледельцев Аршба, которые брали пример со старика Шулимана и следовали его советам. Он едва ли не до самых последних своих дней не расставался с мотыгой и садовыми ножницами. И учил других работать не за страх, а за совесть.

Это он воспитал целое племя тружеников, давал им уроки любовного отношения к земле. Залог успехов нынешних Героев Труда, орденоносцев Аршба в навыках и моральных устоях, которые, как эстафету передавали им старики рода во главе с Шулиманом. Потому-то он и стал героем этого очерка.

В одной из последних книг известного в Абхазии этнографа И. А. Аджинджала говорится, что Шулиман Аршба «до своей смерти пользовался большим авторитетом и влиянием в обществе. Он построил оригинальную мельницу, которую передал в общее пользование своего села. Он бесплатно обслуживал нужды своего поселка.

Толковый и рассудительный, он так поставил себя, что каждый, у кого было какое либо дело, считал необходимым для себя прийти к нему и посоветоваться, и даже во время какого-либо дела, касающегося всего села, приглашали его». Шулиман Аршба никогда в жизни не болел. Но в 120 лет у него стало портиться зрение. Встревоженного старика немедленно и с почетом доставили в сухумскую больницу на обследование.

Он потребовал, чтобы к нему явился какой-нибудь из видных представителей городских Аршба. На зов патриарха рода приехал тогдашний начальник милиции города Сухуми полковник Нури Богданович Аршба.

–Садись, – величественно приказал старик. – Я позвал тебя, чтобы рассказать историю рода Аршба. Кроме меня, ее уже никто не помнит, а я стар и когда-нибудь умру. Я неграмотен, но раз ты пришел, будешь записывать мои слова...

Начальник милиции делал заметки...

Цепкая память Шулимана хранила древние сказания, мудрые суждения стариков, подлинные происшествия былых лет. Он сочинял стихи и читал их на празднествах.

Историю своего рода Шулиман Аршба диктовал и одному из правнуков. Тетрадь, исписанная ученическим почерком, хранится в одном из научных учреждений Абхазии.

Запись начинается так: «Пусть не канет в забвение род Аршба. Пусть будущие поколения знают об этом роде. И если кто из нашего рода и через тысячу лет опозорит свою фамилию, пусть будет проклят!»

Шулиман пересказывал толки стариков об Александре Македонском и греческом царе Константине. О христианстве и мусульманстве в Абхазии. Все это казалось ему очень важным для истории, потому что было у Шулимана чувство высокой гражданственности и ответственности перед будущими поколениями, которые, как он не без основания полагал, могут позабыть о прошлом. Историю он считал духовным богатством своего народа.

Но поразительнее всего была рассказанная им родословная Аршба, чем-то напоминающая страницы средневековых хроник и уходящая в старину лет на триста. Старик назвал ее «книгой». Читая переложение рассказа старика, надо помнить, что имена героев не могут быть переданы русскими буквами даже приблизительно, так как в абхазском языке около 80 звуков, среди которых есть щелкающие и свистящие, и что дикие обычаи и нравы, побуждавшие героев к жестоким поступкам, были когда-то законом гор.

«В этой книге нет ничего лишнего. Она говорит то, что было. Пусть ее читает молодежь! Кто прочтет ее до конца, пусть сам будет счастлив до конца своей жизни! Пишет эту историю 123-летний Ш. Аршба. Эту историю слышал я 100 лет тому назад в доме Бого Аршба... Говорили об этом Баху, Бого, Чыху-ипа, Чараныкуа Аршба и также Даур Ачба. До этого дня я сохранял все в своей памяти. А я хочу оставить ее в виде записи, в виде книги. Пусть мои знакомые, друзья и родственники, читая эту книгу, вспоминают меня!»

На Кубани, там, где ныне раскинулась станица Кувинская, жили три брата Аршба – Чоура, Псгуагу и Канчора. Старший брат был женат и имел шестилетнего сына. Жили все братья неплохо, пасли собственных овец, совершали набеги через Кубань и воровали там лошадей. Но вскоре это спокойное существование было нарушено.

Местный вождь – хан Алоуа выдавал замуж свою любимую дочь и решил к свадьбе подарить ей шубу из шкурок народившихся ягнят.

И вот уже ханский слуга осадил коня у хижины трех братьев и потребовал шкурки.

Старшему брату не понравилась надменность пришельца, и он переспросил:

- Хан просит или приказывает?
- Хан не просит. Это приказ!
- В таком случае шкурок не будет!

Дерзкий ответ был тотчас передан хану, и тот в великом гнев отправил за шкурками целый отряд во главе со своим сыном. С гиканьем налетели всадники на стоянку пастухов. Там был лишь Чоура. Его схватили, привязали к дереву и стали вспарывать животы суягным овцам. Когда два других брата вернулись к себе, все уже было кончено – на земле лежала груда овец, еще дрыгавших в смертельной муке ногами, а всадники с добычей удалились.

Канчора и Псгуагу отвязали брата, все трое вскочили на коней и, не раздумывая, бросились в погоню.

Похитители не торопились. Подскакав, Канчора крикнул ханскому сыну:

– Ты нанес нам оскорбление, которое можно смыть только кровью! Стреляй первым!

Тот выхватил из чехла ружье и выстрелил, но не попал. Тогда прогремело ружье младшего брата, Псгуагу. Сыну Алоуа с разmozженной головой поник в седле, и его высокая каракулевая шапка свалилась под ноги коня. Остальные похитители бросились наутек.

Теперь вступал в свои права закон мести, и братья знали, что ни хан, ни его многочисленные родственники не успокоятся, пока не убьют своих кровников.

Они поехали домой, и Чоура взяв к себе в седло шестилетнего сына, навсегда укачал с братьями из родных мест. Жену он оставил, потому что женщинам не мстят.

Они перевалили через горы и оказались в горном селении Псху. Братья рассказали обо всем местному князю Маршану, и он дал им убежище.

Но руки у хана Алоуа были длинные, и братьям пришлось бежать дальше, в Бзыбское ущелье, что ведет к озеру Рица. Местный князь Чачба согласился приютить их при условии, если они примут участие в военном походе. Он собирался напасть на вождя племени садзов князя Аредбу.

В сражении на мысе Адлер старший брат Чоура был убит. И убийца взял себе его ружье.

Канчора и Псугагу оставили племянника у одного из жителей селения Чачба-Яшта, а сами перебрались в селение Адзюжба, что на берегу моря, возле реки Кодор. Местный князь Маргания выделил им участок в лесу. Под деревом, увитым виноградной лозой, они поставили шалаш и стали в нем жить.

Но когда виноград поспел, к дереву явился человек с корзиной.

– Чего тебе надо? – спросили братья.

– Я сажал этот виноград, а теперь пришел собирать его.

– Если у тебя есть совесть, – сказали ему, – не делай этого. Что тебе одна корзина винограда, а нам нечего есть.

– Вот еще! Будут тут всякие бродяги говорить, что мне делать!..

Братья сочли это оскорблением; и когда человек влез на дерево, один из них сбегал в шалаш за ружьем и застрелил его.

И снова братья бежали. И снова нашли убежище. На этот раз в селении Чубурхинджи, у реки Ингур. Они стали батраками у местного князя.

И надо же было так случиться, что через несколько дней этот владетель задавал пир в честь садзского князя Аредбы, приехавшего в гости с большой свитой. Принимая у гостей плети и оружие, батраки вдруг узнали одно из ружей – оно когда-то принадлежало их старшему брату.

Во время пира, разнося еду, они осторожно спросили нового владельца ружья, откуда оно у него.

– Я купил его за одну пулю, – хвастливо сказал садз. – Когда на нас под Адлером напал князь Чачба, я убил его воина и забрал добычу...

После пира и гости и хозяева легли вздремнуть. Но братья не спали. Они оседлали двух коней, и средний брат сказал младшему:

– Возьми пистолет, пойди и скажи садзу, что ты возвращаешь ему пулю и забираешь ружье обратно, потому что оно принадлежало нашему брату. Если он спит, разбуди его – спящего убивать не полагается. Разбуди, скажи и выстрели в ухо...

Так и было сделано. Но в переполохе после выстрела братья разминулись. Средний брат бросился с конем в реку Ингур и переправился на другой берег. Младший же брат бежал в противоположную сторону и очутился в селе Первая Бедия. Там Канчора рассказал местному князю Ачба о своих приключениях.

У князя в ущелье реки Гализги была большая тюрьма, где он держал рабов, пополняя их число из пленных, захваченных во время набегов. Но князь Ачба жил не только за счет работорговли, ему нужны были крестьяне и воины.

– Я дам тебе место возле тюрьмы. Корчуй лес, живи. Отработаешь на моем поле. Будешь ходить в набеги...

«Ткварчели» (Атква ркял) – значит «Загон для пленных». Теперь это большой город угольщиков. Из окрестностей его пошли все Аршба. Канчора женился на девушке по имени Сангулиа-пха. У них было семеро сыновей и две дочери.

И вот родословная: Маху – сын Канчоры, Машап – сын Маху, Башыху – сын Машапа, Джамбора – сын Башыху, Гыд – сын Джамборы и, наконец, Шулиман – сын Гыда. Ему предстояло прожить на свете 127 лет.

Средний брат Псгуагу, оказавшись за рекой Ингури, стал основателем мегрельского рода Алшибая. От сына старшего

их брата пошел абхазский, тоже многочисленный, род Аншба.

Каким образом в этой фамилии «р» заменилось «л» и «н», могут объяснить только лингвисты. Шулиман рассказывал, что раз в три года все потомки Аршба собирались вместе, чтобы скрепить фамильный союз. Он помнил заслуги всех предков во всех коленах.

«Всем молодым Аршба, – диктовал он, – желаю быть достойными своих отцов. Уважайте себя и своих гостей. Знайте родину Апсны (Абхазию) и помните своих предков...

Аршба сеяли пшеницу и просо, у них было много скота; они всегда ели мясо, сыр, кислое молоко. У них было много фруктов и особенно винограда. Они занимались сбором дикого меда. Они любили работу. Ночью мало спали, зато не нуждались...»

Любопытны его заповеди новым поколениям своего рода:

«Нам надо учиться, чтобы иметь побольше ученых и разных деятелей... Образование и труд – вот что возвысит род Аршба. Если найдется среди вас глупец, не отпускайте его в город, не давайте ему позорить нас. Если ты ненасытен, на государственную службу не иди! Русский человек остается скромным, какой бы пост он ни занимал, каким бы ученым он ни был. Вот у кого нужно учиться Аршба...»

Рассказ Шулимана Аршба редко противоречит действительным историческим событиям. Удивительно, как точно старики запоминали всякие происшествия и предания.

Шулиман считал, что он родился в 1830 году. И пожалуй, это правда. Он хорошо помнил события времен Крымской войны 1853-1855 годов.

«У меня были уже усы и борода, я был зрелый мужчина», – говорил он.

Хотя бои с турками шли и на абхазской земле, Шулиман в то время очутился довольно далеко от нее. Каким-то образом он попал на русский корабль и был привезен в

Новороссийск. В составе сформированной там части его перебросили в Крым. Команда охотников-разведчиков, в которую Шулимана зачислили, действовала в привычной для него обстановке – в горах, давая возможность русским отрядам наносить удары по флангам соединенных англо-франко-турецких войск.

Там-то Шулиман Аршба и узнал русских людей. И когда вскоре турецкие эмиссары стали подбивать абхазов на переселение в Турцию, страшая их, что русские перережут всех подряд, у него появилась возможность оказать добрую услугу своим односельчанам.

Он говорил, что не надо верить ни туркам, ни собственным князьям. Русские – совсем не звери, у них много грамотных людей и очень развиты всякие ремесла. Он говорил это на крестьянских сходках под громадным деревом между селами Гуп и Ткварчели.

И хотя агитаторы уверяли, что в Турции даже ослов кормят рисом и украшают золотом, что там растут тыквы величиной с буйвола, что там рай, из долины Гализги уехало очень мало людей. Да и те вернулись, бежали из Турции тайком, добираясь до родины долгие годы. Они рассказали страшные вещи.

Абхазов везли на турецких пароходах, не давая воды по несколько суток. Тысячи и тысячи умирали от болезней, гибли дети, женщин отбирали и продавали в гаремы. На турецком берегу беглецов ждали нищета и гнет собственных князей, которые, возродив крепостное право, стали продавать крестьян целыми семьями туркам.

Шулиман Аршба навсегда запомнил «махаджирство» – великое переселение, и даже через 90 лет говорил: «Мы, Аршба, не поверили туркам, и правильно сделали». Едва ли не с тех пор Шулимана стали считать мудрецом и чутко прислушивались к каждому его слову.

Уважали его еще и за то, что он стал кузнецом. Это будет тем более понятным, если вспомнить, что в середине

прошлого века многие абхазские крестьяне еще пахали бревном с торчащим из него суком, пололи поля не железными, а самшитовыми мотыгами и считали оружие самым дорогим достоянием семьи.

Шулиман до поры трудился в хозяйстве своего отца Гыда, сеял и растил просо и кукурузу, пас стада на альпийских лугах, отрабатывал барщину на поле князя Ачба, охотился в горах на медведей, но его все больше тянуло в соседнее село Члоу, где жили знаменитые кузнецы. Один из них, Кобан Цвижба, и стал учителем Шулимана.

В пантеоне абхазских языческих богов вслед за высшим богом Анцваду больше других почитался покровитель кузнечного ремесла Шашвы. И хотя абхазы давно стали либо православными христианами, либо языческий, культ Шашвы оставался в силе.

Кузница считалась святилищем, а наковальня – алтарем. Если на крестьянской сходке кого-либо подозревали в нечестном поступке, то его приводили в кузницу, где он при всех давал клятву чести.

Это была внушительная церемония.

Подозреваемый брал молот, бил им по наковальне и говорил: «Клянусь этой святыней, если я виновен и, несмотря на это, произнес ложную клятву, пусть Шашвы разобьет молотом мою голову на десять частей».

Кузнец становился как бы жрецом Шашвы и самым почитаемым в роде. Но почет этот доставался непросто. Звание кузнеца получал лишь настоящий искусник. Он должен был делать не только топоры, молотки, подковы, обручи для бочек, ножницы и другие предметы хозяйственного обихода, но и шашки, кинжалы, пистолеты и ружья.

Кавказские кузнецы хранили свои секреты и славились на весь свет. Недаром еще царь Алексей Михайлович требовал присылки с Кавказа «пансырного дела мастеров, для

булатного сабельного дела сварщиков, самых же добрых мастеров...».

Золотые руки были у Шулимана. Его кинжалы рассекали медные пятаки. Делал он их из старинных лошадиных подков. Шестизарядное ружье, все детали которого он отковал сам, сделали имя кузнеца Аршба легендой.

Но Шулиман знал не одно кузнечное дело. Вырезанные им роговые ложки хранятся во многих семьях как реликвии. Он был замечательным плотником.

Сделанная им 70 лет назад мельница работает и по сей день. Она автоматически перестает работать, когда кончается засыпанное зерно.

Но удивительно совсем другое – у этой мельницы нет ни одной металлической детали, все выточено из твердых пород дерева. Говорят, что таких общественных мельниц он построил немало.

Шулиман сам сложил себе дом – в нем восемь комнат и метровые каменные стены. Каждая балка, дверь, стойка вытесаны им собственными руками. Никогда в жизни не видев ветряной мельницы, он изобрел ее сам. Она стояла на крыше и вращала жернова прямо у очага, когда нужна была свежая мука для мамалыги.

Возле дома Шулиман разбил большой сад, где вывел новые сорта яблок, груш, винограда. Его кукурузное поле было образцовым для всех окрестных жителей. Одно лишь это перечисление говорит о том, что Шулиман был человеком незаурядным, более того – замечательным.

В феврале 1918 года Шулиман поехал в Сухум.

Город шумел, как растревоженный улей. Всюду митинговали, слышались слова: «меньшевики», «большевики», «революция». В бухте стоял вспомогательный крейсер «Дакия», возвращавшийся из Трапезунда в Севастополь. По набережной прогуливались матросы.

Как-то они увидели офицера в черкеске с золотыми погонами. Контуженная рука висела на груди, поддерживаемая черной повязкой. Это был офицер абхазской сотни из «дикий дивизии», князь Николай Эмухвари.

Несколько матросов подошли к нему.

– А ну, скидай погоны, царский холуй, а то сами снимем!

– Не вы мне их дали, не вам и снимать их, – гордо ответил князь.

Один из матросов рванул с плеча Николая Эмухвари погон. Тогда князь, сильный и проворный, выхватил здоровой рукой наган, уложил матроса и бросился бежать. Рассвирепевшие матросы, запутавшись в двориках и переходах восточной части города, не догнали его

Они вернулись с телом убитого на крейсер и просемафорили оттуда: немедленно разыскать и выдать убийцу, власть в городе передать военно-революционному комитету. Для острастки город обстреляли из корабельных орудий.

В Сухуме началась паника. Жители бросали дома и бежали в горы.

В городе не было военно-революционного комитета, но его тут же создали. Возглавил его большевик Ефрем Эшба.

Шулиман вернулся в Ткварчели. Слухи, которые доходили в ущелье, казались совершенно неправдоподобными. Князя Николая Эмухвари задержали и отдали под суд. Председательствовал на суде дворянин Ефрем Эшба. Оба, князь и дворянин, были из села Бедия и в детстве дружили. Теперь они смотрели друг на друга с ненавистью.

У Шулимана Аршба от таких хитросплетений классовой борьбы в голове стоял туман.

Бывший дворянин, а ныне большевик Эшба настоял на том, чтобы князя Эмухвари выдали матросам. Когда князя доставили на миноносец «Дерзкий», он выхватил

спрятанный в рукаве черкески браунинг и застрелил еще одного матроса. Однако теперь убежать Николай Эмухвари не мог...

Но вскоре власть захватили меньшевики, уверявшие, что они трудовой народ. Против них боролась крестьянская дружина «Киараз».

События волнами докатывались до гор. На сходках говорили горячие речи лихие всадники Нестора Лакобы. В поисках красных врывались в дома меньшевистские каратели Тарасхана Эшба, двоюродного брата большевика Ефрема Эшба. Теперь уже не род шел на род, а становились злейшими врагами члены одного рода. Гражданская война ломала вековые понятия.

Молодежь уже не восторгалась самодельными винтовками Шулимана. У горцев теперь были многозарядные маузеры и даже пулеметы. Дороги стали непроходимыми: их оседлали бандиты. Дома горцев, как в древности, превращались в крепости. Но и это не спасало. Бандиты врывались в дома, убивали и грабили.

Шулиман Аршба организовал отряд самообороны, и бандитам больше не было хода в ущелье. Свою молодежь старики Аршба держали в повиновении и встретили твердую власть, которую, наконец, установили большевики, с облегчением, а когда крестьянам разрешили поделить между собой княжеские земли, то и с благодарностью.

О замечательном писателе лучше всего говорят книги, им написанные. О замечательном земледельце лучше всего скажет обработанное им поле или взращенный им сад. Впрочем, книги остаются, а поле или сад переходят в другие руки. Но сад Шулимана Аршба разросся, и в окрестностях Ткварчели вас угостят яблоком или грушей и непременно скажут: «Этот сорт вывел старый Шулиман».

И еще скажут, что у него был лучший в округе виноград и лучшее вино.

И посоветуют посмотреть его усадьбу – его дом, его сад, его пасеку. А дом и в самом деле примечательный. В его толстых стенах восемь прохладных комнат с очень высокими потолками. По его примеру, разбогатеи, стали строить дома окрестные жители.

В двадцатые годы в этом доме останавливался академик Н. Я. Марр. Старый Аршба рассказывал ему народные легенды об ацанах – карликовом племени, которое жило в горах до абхазов. Здесь записывал академик неизвестные варианты нартского эпоса и сказание об

Абрскиле – богатыре, который боролся за правду на земле.

Не тут ли родилась у Марра соблазнительная мысль о том, что один из самых известных мифов прошел «через абхазскую среду», что легенда о прикованном герое-богатыре – кавказского происхождения, «докатившаяся до Греции, где она претворена в сказание о Прометее»?

Тогда же в доме Шулимана Аршба жил знаменитый геолог В. В. Мокринский, который по распоряжению Дзержинского приехал сюда с экспедицией искать тквицельский уголь. Об угле знали еще в девятые годы прошлого века, когда к его залежам привел разведчиков Эдрас Аршба. Но разработку их так и не осуществили.

Геологическая карта района попала в руки англичанина Галлоуэя, который издал двухтомное описание месторождения. Любопытно, что Мокринский узнал в ленинградских архивах об этой карте, спросил о ней Шулимана, а тот отвел геолога в дом Эдраса Аршба, где бережно хранилась копия карты.

Крестьяне из рода Аршба были проводниками и носильщиками экспедиции. Участники ее вспоминали: «Продовольствие для сотрудников доставлялось без взвешивания, но ни разу ничего не пропадало. В тех случаях, когда носильщик иногда съедал в пути банку консервов, он просил записать ее за ним».

Для того, кто знал моральный кодекс Аршба, эта честность не была бы удивительна.

Мокринский никак не мог выговорить абхазского названия поселка, в котором жил Шулиман и другие Аршба, и он назвал его по имени одного из своих проводников, Хухуна Аршба. Как это ни курьезно, но название Хухун закрепилось за селением, так оно зовется и по сей день.

Нестора Аполлоновича Лакоба знали в Абхазии все. Выгнанный из Тифлисской духовной семинарии за революционную пропаганду, несостоявшийся священник стал большевиком-подпольщиком.

В 1917 году он сколотил легендарную крестьянскую дружину «Киараз» и сражался за установление Советской власти в Абхазии. Он был первым председателем Совета Народных Комиссаров республики.

Перестав носить шашку, он по-прежнему не слезал с коня. Ему хотелось успеть сделать все: и построить Черноморскую железную дорогу, и осушить болота, над которыми тучей вились малярийные комары, и превратить Абхазию в субтропический рай, и, наконец, добывать свой, ткварчельский уголь.

Нестору Лакоба было всего тридцать с небольшим, он носил черные щегольские усы и верил в счастливое будущее.

Как-то, продираясь сквозь заросли на берегу Гализги, он выехал к дому Шулимана Аршба.

Высокий стройный старик в бешмете, стянутом по талии узким наборным серебряным поясом, встретил его приветливо.

– Добро пожаловать! – сказал он величественно. – Проходи в дом, да приму я твои беды на себя!

В доме началась веселая суета. Во дворе громко блеял обреченный на заклание козленок, в кухне над очагом кипела вода в котле для мамалыги...

В тот день Лакоба узнал многое о Шулимане Аршба. Он был пленен образцовым порядком в хозяйстве старика, восхищался садом, полем, пасекой. И уж не тогда ли пришло ему в голову противопоставление, которое, сражаясь с троцкистами, он высказал на партийной конференции в 1927 году:

– Абхазская пчела не заражена никакими «социальными» и «политическими» болезнями, у нее нет ни национального вопроса, ни вопроса внутрипартийного положения, головотяпством она не занимается, а дает очень вкусный, мировой известности мед. За этой пчелой поухаживать было бы куда интереснее, чем хотя бы за нашими оппозиционерами, потому что оппозиционеры много святых правил нарушают, а пчела дает прекрасный мед.

Отошли в прошлое некогда злободневные политические заботы. Встали на очередь другие. И среди них была коллективизация. Нашлись руководители, не захотевшие разобраться в крестьянской психологии, растолковать, объяснить. В начальственном высокомерии они посчитали лишним пойти на поклон к старикам, распоряжались, кричали и даже сажали несогласных в тюрьму. И дело... не шло.

В Абхазии еще помнят, как в газете появилась карикатура — дюжий молодец крутит точильный камень, а двое других прижимают головой к камню старика. И подпись: «Шулиману Аршба надо обточить мозги».

Жестокость и политическую неуместность такой административной ретивости первым понял Нестор Лакоба.

Шулиману в тот год исполнилось 100 лет.

– Эх, вы! – сказал Лакоба уездным руководителям. – Разве так борются с несознательностью? Относясь без уважения к старикам, вы проявляете близорукость. Сегодня вы разрушите почтение к старшим, завтра люди перестанут уважать власть...

Лакоба опередил почтальона, везшего газету, и приехал в Ткварчели.

– Шулиман, – сказал он, – ты очень хорошо знаешь, что такое Киараз...

– Знаю, – ответил старик, – так называлась твоя боевая дружина.

– Нет, Шулиман, я говорю о другом. Я говорю о народном обычае. А в Абхазии нет человека, который бы лучше тебя знал обычаи...

«Твоя радость – наша радость», – говорят абхазы, и это не просто слова. Они привыкли бескорыстно помогать друг другу. Если человек строит дом, к нему стекаются помогать все соседи. Все вместе они всегда убирали урожай на поле одного, потом другого, не забывая и поля вдов и сирот.

Совместный труд спорился. Конец работ отмечали веселым застольем. Если у кого-нибудь была свадьба, то готовили ее, собирали продукты всем миром... Все это называлось объемным словом «Киараз».

– Шулиман, – говорил Лакоба, – колхоз – это и есть Киараз. И даже больше. Все станет общим, и работа пойдет веселей.

– Это хорошо, – сказал Шулиман. – А завтра придет лентяй Заур, наденет мою черкеску и станет каждый день резать себе на обед моих кур...

– И ты позволишь ему это делать?

– Нет, не позволю. Но люди говорят, что даже штаны будут общими – кто хочет, тот и наденет. Я не хочу надевать чужие штаны!

Лакоба оглядел чистоплотного старика и улыбнулся.

– Это неправда. Твой дом, твои улы, твой двор останутся твоими. Кое-кто хотел сделать общим и это, но партия их осудила. По-русски это называется «перегиб». А твой лентяй Заур, разве не станет он работать лучше на глазах у всех?

– Может быть. Только он не мой...

«Кто владеет языком, тому принадлежит община», –

гласит старая абхазская поговорка. На ближайшей крестьянской сходке Шулиман Аршба сказал речь, начинавшуюся традиционными словами: «Люди, да положу я голову свою за вас...» Она была построена по всем канонам народного ораторского искусства. И когда Шулиман произнес заключительное: «Утомил я вас словом, простите! Добро да пребудет с вами!», многие колеблющиеся уже верили в колхоз.

Шулиман руководил в колхозе разбивкой садов, постройкой мельниц и сушильных сараев, учил молодежь искусству выращивать кукурузу, а руководителям давал мудрые советы.

Дела в колхозе шли на лад.

В августе 1942 года к границам Абхазии подошел 49-й горнострелковый корпус немцев. 15 августа враги заняли Клухорский перевал и продолжали продвигаться по Военно-Сухумской дороге. Они были уже в 25 километрах от Сухуми. Их отбросила 46-я армия генерала К. Н. Леселидзе.

Род Аршба дал много бойцов и командиров нашей армии. Часть полковника К. Я. Аршба пять раз удостоивалась благодарности Верховного Главнокомандующего, начиная со сражения под Москвой...

В трудную годину Шулиман отдал для армии лошадь, организовал изготовление вьючных седел для наших горных частей.

Он не поощрял тех, кто, используя трудности с продовольствием в городах, спешил нажиться. Рассказывают, что, услышав раз на базаре в городе, как один ловкач похвалялся красивой каракулевой папахой, Шулиман спросил его:

– Сколько ты заплатил за эту папаху? Извини, конечно, за вопрос...

– Две тысячи.

– Гм... Стоило ли платить две тысячи рублей, чтобы украсить двухрублевую голову?

Ловкачу не стало проходу. Всякий раз, увидев его папаху, люди вспоминали острое слово старика и хохотали.

После войны мужчины Аршба один за другим возвращались в долину. Их выгоревшие гимнастерки с темными прямоугольниками на месте споротых погон, нашивками ранений и орденскими колодками часто угадывались на висячем мосту через Гализгу, и тогда старый Шулиман успевал переодеться в праздничный костюм и встречал дорогих гостей на пороге своего дома. Они непременно приходили к старику засвидетельствовать почтение и порассказать о долгих годах опасностей и странствий.

Из каких только мест не посылали ему солдаты поклоны в письмах к родным! И всякий раз при этом они вспоминали реку, склоны гор, могучие ореховые деревья и стариков, во главе с Шулиманом обсуждавших будничные дела рода. На войне деревенские будни казались сплошным праздником, а домашняя мамалыга и вино райскими лакомствами.

Многие не вернулись. Те же, кому выпало счастье снова увидеть отчий дом, сильно переменились. В выражении их лиц, в манере держаться, во всем их облике появилась та бывалость, какой не могло быть у довоенных деревенских жителей. Шулиман вспоминал, каким сам он вернулся в долину с войны почти 100 лет назад.

Солдаты видели, как живут люди в других краях, какой достаток приносят трудолюбие и сообразительность. Они рвались к труду, но понимали, что одной силой заброшенного хозяйства не поднимешь. И поэтому чутко прислушивались к словам многоопытного Шулимана, который с радостью окунулся в колхозные дела.

В те дни старец распоряжался постройкой табачных сушилен, разбивкой новых садов, наставлял бригады, подготавливавшие поля для кукурузы. Казалось, и сама природа почувствовала настроение людей, земля родила так щедро, что только за урожай 1947 года несколько

бригадиров из рода Аршба стали Героями Социалистического Труда, а многие колхозники получили ордена.

Слушая у очагов рассказы жителей долины о послевоенных успехах, историк как-то сказал:

– Это хорошо, что в положениях о государственных наградах все определено очень точно. Убрал столько-то центнеров кукурузы с гектара – получай Звезду Героя, столько-то – орден Ленина... Но это как бы конечный результат. Прежде чем человек вырастит урожай, надо вырастить и воспитать самого человека. Человека же создает среда, а жизнь среды во многом определяют прекрасные народные традиции, хранителями которых являются наши старики. Уважение к старшим у нас – закон.

Похвала или порицание того же Шулимана Аршба всегда принимались близко к сердцу. Стыдно было работать хуже человека, которому далеко за 100 лет. Молодые люди видели мельницы, которые он построил, сады, которые он вырастил, поля, которые он отвоевал у гор и леса...

С самого детства люди рода Аршба никогда не видели своего старейшину праздным. Они привыкли прославлять его трудолюбие, его умение делать любую работу, его мудрость. И как тяжело было бы любому из них увидеть осуждение в глазах Шулимана, а еще горше – услышать из его уст слово «лентяй»...

Занимать в 100 лет руководящий пост – дело невозможное, но тем не менее старики поддерживали тот моральный климат, который административными мерами, пожалуй, не создашь. Это они воспитывали ту жадность к работе, которая принесла замечательные плоды. И что самое любопытное – люди работали, люди получали высокие урожаи, и только когда им вешали на грудь высокие награды, узнавали, какая из них положена за столько десятков центнеров, а какая – за столько-то...

Заслуги Шулимана Аршба в положениях о наградах не определены. Его награда – это народная слава, это признательность людей, и награжденных и ненагражденных, за душевную щедрость, за ум, за саму жизнь этого замечательного человека.

Когда Шулиману минуло 120 лет, к нему зачастили собиратели фольклора и врачи.

Первые записывали с его слов предания и песни. Он и сам часто выступал на праздниках с тостами, рассказали и собственными стихами. Среди них были и сатирические. «Насмешка в песне попадает в цель не менее метко, чем пуля из ружья», – говаривал он.

За год до смерти о нем писали:

«Творчество старейшего народного певца Сулеймана Аршба глубоко патриотично. Он отзывается на все волнующие события современности. В последнее время стал плохо видеть и заставляет внуков читать себе газеты, слушает радио. Он сочиняет рассказы и стихи, не записывая их, но может читать их без ошибки. Даже стихи многострофные, больших размеров сохраняет в памяти и охотно читает их на праздниках и торжественных вечерах».

В государственном архиве Абхазии среди «фольклорных материалов» есть стихотворный тост, сочиненный им, очевидно, в ответ на поздравления:

Я вырастил сад, я сделал вино,
И выпью за то, что известно давно;
Без дружбы людской не прожил бы и дня,
Без дела и вовсе не стало б меня...
Врачей же интересовал секрет его долголетия.

Когда Шулиману Аршба было 122 года, в Абхазии проводился опрос и обследование долгожителей. В книге-отчете был помещен его портрет и такая подпись:

«На вопрос: «Как у вас зубы, откройте рот», он ответил: «Зубы начали портиться. Один давно шатается». И

действительно, только один зуб, нижний, у него оказался больным. Все остальные зубы в прекрасном состоянии».

Там же есть портрет его ближайшего родственника – Эдраса Аршба, которому было тогда 114 лет.

Абхазия славится своими долгожителями. Туда без конца ездят научные экспедиции из разных стран. Ученые изучают условия жизни долгожителей, надеясь подсказать людям, как прожить десяток-другой лишних лет. Лишних? Вернее, недожитых.

Как и многие долгожители, Шулиман Аршба не курил, вино пил в меру, довольствовался абхазской кухней (немудреной, но мудрой – там готовили ровно столько, сколько могли съесть, а остаток предпочитали отдавать курам, чем разогревать через несколько часов), ел фрукты, овощи, мед, жевал неторопливо, никогда не передал, дышал горным воздухом.

В отчете обследователей подробно записаны советы Шулимана Аршба по части еды:

«Нужно есть пищу разнообразную не только потому, что одинаковая пища надоедает, а потому, что разнообразная пища дает больше сытости и больше здоровья... Чтобы быть сытым, фруктов надо съесть очень много, а много съесть трудно. Значит, для сытости надо есть мясо, а для хорошего самочувствия и удовольствия – овощи и фрукты. Надо есть и мясо, и молоко, и овощи, и крупу, и хлеб, и фрукты, и виноград, и мед. Жиров надо есть меньше. Жирная пища тяжелая, надо ее избегать...

От сладостей человек жиреет. А много жира, полнота ускоряет старость. Помните народную пословицу: «Ешь просто, доживешь лет до ста». Я прожил больше ста...»

Он, как и многие абхазские старики, считал полезным для здоровья употребление острого красного перца, но после 100 лет не злоупотреблял им.

В его огороде и на столе всегда были лук, чеснок, кресс-салат, кинза, чабер, чабрец, майоран, базилик, мята, петрушка, укроп, сельдерей, портулак, тмин, барбарис...

Сад давал яблоки, груши, инжир, хурму, гранаты, айву, мушмулу, кизил, персики, сливы, черешню, вишню, виноград, орехи...

«Старейший садовод Абхазии, – записано в том же труде, – 122-летний Шулиман Аршба говорит, что, если человек работает на винограднике и питается виноградом, он должен быть здоровым и жить 100 лет. Обследование выяснило, что большинство долголетних людей Абхазии съедает за сезон не менее 50 килограммов винограда...

Особенно много потребляют старики виноградного сока, которому придают исключительно лечебное значение. Они считают, что для старика виноградный сок так же полезен, как материнское молоко младенцу».

Шулиман Аршба никогда не менял ни места жительства, ни образа жизни. В том же отчете о Шулимане говорилось:

«Вся история Ткварчели, и история местных людей, огромные изменения, преобразование селения из четырех домишек в большой индустриальный центр с многотысячным населением, все произошло у него на глазах. Это живой свидетель многих исторических событий. Он все прекрасно помнит. И рассказывает так, как будто видит сейчас перед глазами прошлую жизнь более чем за 100 лет.

В молодости он был пастухом и охотником, возчиком на арбе, кузнецом и слесарем. Познакомился с одним русским рабочим-революционером. «Лучшим другом он мне стал. Я сам ему своими руками винтовку сделал и подарил».

Последние 50 лет больше занимался садоводством. И сейчас его сад один из лучших в окрестностях Ткварчели. На здоровье никогда не жаловался. И память сохранил необыкновенную. Все помнит до малейших подробностей. Если бы записать все, что он запомнил, набралась бы целая

книга. Он помнит хорошо события времен Крымской войны 1853-1855 годов...»

К сожалению, это «если бы записать все» осталось благим пожеланием.

Женился Шулиман в 40 лет (поздняя женитьба – обычное явление среди долгожителей Абхазии), прожил с женой душа в душу более 70 лет. Его жена Уардахан была работающая, беспрекословно признавала авторитет мужа. Он был доволен своими сыновьями и дочерьми.

Сам Шулиман Аршба обладал ровным характером, любил шутку, ни с кем не ссорился по пустякам. «Злые люди долго не живут», – говаривал он. Всеобщее внимание и уважение, особенно в старости, создавали покойное ощущение удовлетворенности, своей полезности для людей.

В Абхазии считается едва ли не преступлением прекословить старикам и не оказывать им знаков внимания, и это тоже немаловажная причина их долгожития. Не потому ли из обследованных в свое время 1216 долголетних людей Абхазии ни у одного не обнаружили ни пороков сердца, ни повышенного кровяного давления.

Когда пишут о долгожителях, то непременно одной из причин их долголетия называют занятие любимым делом, непрерывный труд.

Называют Гёте, который в 80 лет дописывал «Фауста»;

Павлова, который умер на 86-м году жизни от случайного заболевания;

Вольтера, дожившего до 84;

Ньютона – до 85;

Верди – до 88;

Микеланджело – до 89;

Тициана – до 87 лет.

Шулиман Аршба трудился до последнего месяца своей жизни. Заповедь Шулимана помнят многие Аршба. Ее записали и врачи: «Только труд приносит радость жизни. После работы пища слаще, отдых приятней и сон крепче».

Но важно отметить и то обстоятельство, что подавляющее большинство долгожителей, перешедших столетний рубеж, живут в деревне и занимаются земледелием. Никто не станет отрицать, что деревенский труд остается самым разнообразным, он ближе всего к природе, в гармонии которой заключена великая мудрость.

У Шулимана Аршба страстное желание трудиться сочеталось с тягой к поэзии и знанию родной истории. Кто-то назвал его «деревенским инженером» за изобретательность, за умение создавать полезные вещи из железа, камня, дерева, но он не менее хорошо умел создавать новые сорта фруктов, выращивать гигантскую кукурузу, ухаживать за пчелами, выбирать место для лозы так, что его вино оказывалось лучшим в округе. Этот человек был гармоничен.

Мы с историком перешли по качающемуся висячему мосту над Гализгой, взобрались на откос железной дороги и оглянулись. В ущелье уже сгущались сумерки, сады казались сплошным морем, и не видно стало дома Шулимана Аршба.

Мы унесли с собой портреты старика, чтобы переснять их для Сухумского музея. На одном он был совсем молодой, в длиннополой черкеске, с пистолетом и кинжалом на поясе, стягивающем юношескую талию. На обороте стоял штамп сухумского фотоателье – 1915 год. Значит, ему было тогда 85 лет. В самом деле, лицо совсем молодое, красивое, черная борода, а волосы седые...

Говорят, и на сей счет у него была шутка: «Мои волосы старше моей, бороды на восемнадцать лет».

На другом портрете он – stodвадцатипятилетний.

До моста нас проводил Сандро Аршба, сын старика Шулимана. Как старший в семье, он унаследовал дом и живет в нем со своими детьми, внуками, правнуками. Младший сын, Антон, родился, когда Шулиману было под восемьдесят. Теперь Антон полковник в отставке.

Все в доме так, как было при жизни Шулимана. Разве что прибавилась газовая плита. Но она в тот день отказала, и огонь развели в старом очаге, где готовили пищу при жизни старика. Это было в большом каменном сарае при доме. Тут же, за тонкой дощатой стенкой вздыхала скотина. Искры и дым тянуло вверх, к отверстию в крыше. Закопченные стены и балки, блики огня на лицах, неторопливый разговор о последнем годе жизни Шулимана Аршба...

Вставал он с рассветом, медленно одевался, умывался и начинал ежедневную прогулку по усадьбе, подмечая непорядок – то ли ветку в саду, которую надо подпереть палкой, чтобы не сломалась под бременем плодов, то ли сорную траву на кукурузном поле. Он обходил сарай, заглядывал на кухню, в коровник, подбрасывал корму курам и шел на пасеку.

У него было более сотни колод – выдолбленных внутри обрубков древесных стволов, которые он предпочитал ульям. Когда-то он лучше всех умел найти в лесу пчелиную семью и водворить ее у себя на пасеке. И не один рой увезли от него куда-то на север и даже за границу. Абхазская пчела оказалась самой доходной в мире, и у нее был хоботок длинней, чем у других, и летала она дальше... Когда Шулиману говорили, что в Америке абхазская пчела начинает вытеснять итальянскую, он приосанивался.

Перед завтраком он делился с сыном Сандро своими наблюдениями и планами, и тот, тоже уже старик, стоя, почтительно выслушивал отца.

После завтрака Шулиман принимался за привычную работу – полол, ухаживал за плодовыми деревьями, возился на пасеке. Через каждые полчаса он садился отдыхать. Век с четвертью – не 100 лет, когда он мог работать без усталости по нескольку часов.

По вечерам в доме всегда были гости. Приходили послушать старика, рассказать новости, почитать письма об успехах Аршба, покинувших родное ущелье.

Шулиман Аршба умер в 1957 году. У него было совершенно здоровое сердце, но отказал мочевой пузырь. Делал операцию врач Сократ Аршба.

После операции Шулиман сказал ему:

– Я хотел обмануть тебя, но обманул меня ты.

Это означало, что старик надеялся умереть во время операции. После нее ему предстояло жить «не по-людски» – со шлангом. Такая жизнь казалась ему постыдной. Он перестал, есть и почти не пил. И прожил еще 22 дня. И все дни сохранял полную память. Ум его был острым, а слова мудрыми. Он захотел умереть и умер, потому что гармония его существования была нарушена...

ГЛАВА 2. БИОГРАФИЯ МОЕЙ СЕМИ

Отец – Константин Михайлович Аршба, родился 1924 году, в городе Ткварчели, окончил Ткварчельскую среднюю школу, Сухумское педагогическое училище. Затем, был призван на службу в ряды Советской Армии, где его застала Великая Отечественная Война. Служил в разведке.

За мужество и героизм проявленное на войне, он был награжден множеством государственных наград. После войны, он возвратился в родной город Ткварчели, работал на разных должностях.

Мать – Зоя Николаевна Делба, родилась в 1934 году, в городе Ткварчели, окончила Ткварчельскую среднюю школу, бухгалтерские курсы в Сухуми, работала бухгалтером в отделе народного образования города Ткварчели. Их дети: Заира. Заур. Тимур.

Дочь – Заира Константиновна Аршба, родилась 13 декабря 1954 году, в городе Ткварчели, окончила Ткварчельскую среднюю школу №1, Сухумский государственный сельскохозяйственный институт по специальности – агроном.

Ее муж – Чагава Алексей (Эдуард) Шамилевич, родился в 1946 году в селе Кутол Очамчирского района, окончил Кутолскую среднюю школу, Сухумский Государственный педагогический институт по специальности – преподаватель физики в средней школе.

Работал преподавателем в Кутолской средней школе, первым секретарем Очамчирского райкома комсомола, заведующим организационным отделом Очамчирского райкома партии, инструктором организационного отдела Абхазского Обкома партии. Затем, началась грузино-абхазская война. Их дети: Дмитрий и Астамур.

Сын – Дмитрий Алексеевич Чагава, родился в 1976 году в городе Очамчире, окончил Очамчирскую среднюю школу №3, Московский медицинский институт по специальности – нейрохирург. Работает нейрохирургом в Центральной клинической больнице гражданской авиации города Москвы. Его жена – Извекова София. Их дети: Мария и Настия

Сын – Астамур Алексеевич Чагава, родился в 1980 году в городе Очамчире, окончил Очамчирскую среднюю школу №3, Московский институт управления по специальности – управленец. Бизнесмен. Его жена – Петухова Евгения. Их дети: Елизавета. Данил. Сандро.

Сын – Заур Константинович Аршба, родился 1 мая в 1956 году в городе Ткварчели, окончил Ткварчельскую среднюю школу №5. Служил в рядах Советской Армии. Затем, окончил Московский государственный горный институт по специальности – инженер-строитель подземных сооружений и шахт. Работал прорабом в Строительном управлении в городе Гагра.

Во время грузино-абхазской войны, воевал на Восточном фронте. За мужество и героизм проявленное на войне, он был награжден орденом «Леона». После войны, он стал работать инженером в Очамчирском морпорту.

Его жена – Барцыц Елина Султанова, родилась 9 апреля 1968 году, в городе Гагра, окончила Гагрскую среднюю школу, Сухумское музыкальное училище по специальности – народные инструменты. Их дети: Кама и Михаил.

Дочь – Кама Зауровна Аршба, родилась 12 ноября 1990 году, в городе Ткварчели, окончила Очамчирскую среднюю школу №2. Работает менеджером в городе Пицунда.

Сын – Михаил Заурович Аршба, родился 20 ноября в 1991 году в городе Ткварчели. Окончил Очамчирскую среднюю школу №2, Башаран колледж в Гагре. Работает бизнесменом.

Сын – Тимур Константинович Аршба, родился 23 января в 1967 году в городе Ткварчели. Окончил Ткварчельскую среднюю школу №2. Служил в рядах Советской Армии. Затем, окончил Московский государственный горный институт по специальности – горный инженер экономист. Работает инспектором в Счетной Палате Республики Абхазия.

Его жена – Тарнава Елена Вячеславовна, родилась 2 февраля 1972 году, Окончила Краснодарскую среднюю школу, Краснодарскую колледж по специальности дизайн одежды. Их дети: Анастасия и Станислав.

Дочь – Анастасия Тимуровна Аршба, родилась 8 марта в 2004 году, в городе Сухими, окончила Сухумскую среднюю школу», Сухумское художественную училище, студентка Московского Института искусств по специальности – реставратор картин

Сын – Станислав Тимурович Аршба, родился 10 июля в 2005 году в городе Сухуми, окончил Синопскую среднюю школу, Сухумский индустриальный техникум по специальности – повар европейских блюд.

ГЛАВА 3. ГРУЗИНО-АБХАЗСКАЯ ВОИНА 1992-1993 г.г.

14августа 1992года я находился дома, в городе Очамчира. Раздался телефонный звонок, это звонила моя сестра Заира, которая жила в центре города Очамчира она с волнением в голосе сообщила, что рядом с ее домом появилась военная техника с грузинскими солдатами, которые ведут беспорядочный огонь из автоматов. И умоляла меня никуда не выезжать.

Я тут же вышел из дома и прошел к центральной улице недалеко порт - поворота и своими глазами убедился, что происходит, что-то ужасное по трассе на больших скоростях метались автомобили, люди собирались в группы и все в один голос говорили, что началась война. У большинства людей в глазах видна была тревога и страх, но были и такие, которые не скрывали радость.

В связи, с чем мне пришлось думать с кем и о чем говорить. Тем более я в этом районе новый житель и не всех соседей знал достаточно, чтобы доверять. Вернувшись, домой, я застал своих родных у телевизора, по телевизору выступал, председатель В...С..Р..А.. Ардзинба Владислав Григорьевич он сообщил, что в Абхазию зашли Грузинские войска, и он вынужден объявить всеобщую мобилизацию взрослого населения от 18до 40 лет, обозначив пункты сбора резервистов Очамчирского района – город Ткуарчал и село Члоу.

С этого момента у меня в голове не было сомнения – война. Мне, прежде всего, надо подумать о безопасности моей семьи. В разговоре с отцом, который не понаслышке знал о войне, участник второй мировой войны, разведчик, почетный гражданин города Праги за военные заслуги, награждены многочисленными медалями и орденами, ныне председатель совета ветеранов города Ткуарчал. Он много лет занимался военно-патриотическим воспитанием

подростающего поколения включая меня и моего младшего брата Тимура, который на тот момент жил и работал в городе Ткуарчал.

Отец как мог, сдерживал меня от необдуманных поступков. Однако обдуманного решения я никак не мог принять. Первое, выехал на своей машине к сестре в город. Там я застал сестру с ее младшим сыном Астамуром. (Старший сын ? и муж Чагава Эдуард ее находились на курорте «Ауадхара»). Сестру и племянника я отвез к себе домой. Таким образом, нас дома оказалось 8 человек: отец – Аршба Константин Михайлович, мать – Делба Зоя Николаевна, сестра – Заира и ее сын Астамур Чагава, моя жена – Лика Барцыц и двое моих детей : дочь Кама и сын Миха.

15 августа Абхазское телевидение передало информацию, что грузинские войска дошли до Красного моста и обстреливают из танков и вертолетов мирное население города Сухум, пошли многочисленные жертвы и разрушения, в панике бежали мирные люди. В тоже время Грузинское телевиденье передаёт, что войска госсвета Грузии на территорию Абхазии «защищают» железную дорогу.

Ночью слышны были многочисленные взрывы, похожие на выстрелы из танков. 16 августа, на рассвете, я вышел из дома. Хотя было раннее утро, большинство соседей были на улице. От них я услышал, что войска госсвета Грузии – бандиты и зеки, выпущенные из тюрем, и вооружены до зубов.

Ими командует Сосо Ахалая, уголовник, преступный авторитет. Они занимаются грабежом мирного населения. Тех же, кто оказывает сопротивление, просто убивают, И уже есть многочисленные жертвы их безнаказанного произвола. Обратившись к соседям (большинство из них мои ровесники), я спросил, есть ли среди них такие, кто хотел бы оказать сопротивление войскам госсвета Грузии.

Отозвались трое – остальные выбрали выжидательную позицию. Отозвав, этих троих в сторонку я предложил им пешком пойти в село Члоу на пункт сбора резервистов, в надежде вооружиться. Мое предложение приняли трое – Чачхалия Руслан, Квеквескири Гарик, (и турок), к сожалению, фамилию его я не помню. Вчетвером, тронулись в путь.

Шли мы тропами. У нас был пистолет ТТ., две ракетницы, четыре ножа и аптечка. Дойдя до села Меркула, мы увидели толпу людей, которые громко о чем-то спорили, подойдя, ближе мы поняли, что это гараж Меркульского совхоза и ночью тут был похищен бензовоз с бензином. Не задерживаясь, мы пошли дальше, восхищаясь тем, что кто-то предусмотрительно запасася, стратегическим сыром.

Дойдя до центра Меркулы, мы снова столкнулись с группой людей, которые, так же как и мы шли в Члоу. Через некоторое время появился бортовой грузовик. Водитель крикнул, «Кто едет в Члоу, лезьте в кузов!». Через полчаса мы уже были в центре села Члоу. На площади перед клубом, собралось много народа, которые были, так же как и мы готовые оказать вооруженное сопротивление бандитам пришедшим грабить и убивать народ Абхазии.

Нас пригласили пройти в клуб, в клубе с трудом хватило места для всех собравшихся. Выступило много красноречивых людей, ни один из них не сказал, то чего ожидали от них собравшиеся. Устав от патриотических речей люди стали требовать оружие, но оружия не было, его не было даже у Абхазского правительства. Стало ясно, что оружия нет, и не будет, каждый сам должен решить этот вопрос как может.

Большинство людей, возмущаясь, разошлись, нам тоже надо было думать возвращаться домой с тем, что имели или продолжить поиски. Пока мы думали, на площадь заехал автобус на вопрос, куда едешь, ответили в город Ткуарчал, но они с собой берут только вооруженных людей, пришлось

показать пистолет и ракетницы, нам разрешили ехать с ними через час мы уже были в городе Ткуарчал.

Трудно описать то, что мы увидели там это сотни людей у военкомата народ в панике, оружия нет, и не обещают. Но зато можно было достать в большом количестве взрывчатые вещества, а это грозное оружие особенно в руках, которые умеют с ним обращаться, я как горный инженер это хорошо понимал. Мы решили взять пару ящиков аммонала и детонаторов и вернуться домой в Очамчира.

Для чего мы отправились к зданию шахтоуправления, там нам выдали два ящика аммонала и детонаторов. Время было позднее, мы решили подождать до утра. 17 августа ранним утром мы отправились обратно дамой. До Баслхубского поворота на Меркулу нас подвезли дальше мы шли пешком. Недалеко от дома в огороде у Гарика ? мы спрятали свои груз и разошлись по домам.

Дома мне очень обрадовались. Пообедав, я пошел в свою мастерскую. Мне нужно было сделать боевые осколочные гранаты. Умнея, нашлись двух дюймовые чугунные муфты, соединив их по паре, заглушил чугунными пробками от радиаторов отопления. Заправив их аммоналом вперемешку со стальными шариками, вставив в него огневой детонатор с бикфордовым шнуром рассчитанные на 4-5 секунд, гранаты были готовы.

Это был мой первый, и далеко не последний опыт производства боевого оружия. Вечером к соседям подъехал легковой автомобиль, с которого вышли вооруженные люди и прошли в дом, о чем они там говорили, я не знаю, через полчаса они вышли на улицу, пройдя к машине предупредив хозяев, что бы они, куда не уходили, они еще вернутся, уехали.

После их отъезда выяснилось, что это были те самые бандиты, о которых я упоминал ранее, они взяли кое-какие драгоценности и дорогую шубу, искали деньги, но не нашли.

Меня одолевало огромное чувство бессилия, я мог, конечно, подойти поджечь фитиль и подорвать, автомобиль с бандитами тем самым я подверг бы опасности не только себя, но и близких.

И так для меня все больше становится ясно, что в Очамчире оставаться не безопасно. Обсуждая этот вопрос, на семейном совете мы решили. Жену и детей я с утра должен увезти к тете Рае в село Тхина, затем, вернувшись обратно думать, что делать с остальными. Ночь прошла относительно спокойно видимо это связано с тем, что войска госсвета оставив, Очамчире бандитов так называемых Мхедрионцев.

18 августа с раннего утра я попросил соседа грузинской национальности Гурама Джикия проехать со мною до трассы, чтобы убедиться, что дорога безопасна, убедившись, мы вернулись обратно. Не теряя времени, посадив жену и детей, я увез их к тете Рае с. Тхина. Там нам очень обрадовались и с удовольствием приняли. Оставив детей и жену у тети, я вернулся домой.

Дома оставались сестра, ее сын, мама и папа. Я предложил всем, оставив дом выехать в деревню. Но папа отказался, он надеялся, что это скоро закончится, мне не удалось переубедить его. Сестра тоже отказалась, сказав что, будет ждать указания мужа.

19 августа мы с сестрой на моей машине поехали к ней на квартиру в город, чтобы забрать кое какие вещи заодно и разведать, что там происходит. Оставив сестру на квартире. Я поехал к зданию администрации, поднявшись наверх в кабинет главы, я увидел там много народа. Ко мне подошел Мирян Атумава, поманив меня за собой, вывел меня на улицу, там он мне сказал, что главу администрации Игорь Алмысханович. Гургулия взяли в заложники и увезли в Гали.

А все те люди, которые там наверху в его кабинете это те люди, которые давно ждали войска госсвета Грузии. Пока

мы разговаривали, на площадь подъехала бронемашина, с нее спрыгнули несколько гвардейцев, пройдя мимо нас, вошли в здание. Мы быстро разошлись по машинам и разъехались. Забрав сестру из квартиры, мы поехали домой.

Весь день, да и вечер мы просидели у телевизора в надежде услышать, что правительства двух стран договорятся и выведут войска госсвета Грузии. Последующие дни 20 по 23 августа прошли в огромном напряжении. 24 августа с порта по просьбе зятя к нам пришли российские офицеры и предложили перевезти нас на военном катере в Гудауту.

Мой отец отказался, а, мать не могла оставить его одного, я тоже пожалел, что увез детей в деревню. Воспользовались сестра с племянником. В тот же день они благополучно добрались до Гудауты. И так нас дома осталось трое. Остаться далее в оккупированном городе я не мог.

25 августа я Гарик Квеквескири и его жена Лиана и двое его детей выехали из города. В этот раз я решил ехать через село Араду. На границе между Араду и Моква нас остановили вооруженные автоматами гражданские лица грузинской национальности из местного населения. Они в грубой форме устроили обыск, искали оружие, оно в машине было надежно спрятано ничего ни найдя, обматерив нас отпустили.

Гарика с семей я оставил у его родственников в том же селе где я оставил семью село Тхина. Приехав к тете, мне очень обрадовались особенно дети. Страх и паника взрослых не благоприятно подействовала на психику детей, они стали раздражительными и плаксивыми, старшей дочке на тот момент исполнилось год и девять месяцев, а сыну девять месяцев. Дом тети расположен на сопке как на смотровой площадке, был виден г. Ткуарчал и все села до самого моря.

26 августа. Периодически прилетал военный вертолет и выпускал по городу Ткуарчал ракеты. Которые убивали мирное население и разрушали строения. Тем самым, делая

не возможным мирно договориться. Все больше населения Абхазии это понимало. Вооружались в основном гладко – ствольными ружьями, самодельными гранатами против танков тоже готовились мощные мины, то есть заправляли газовые и кислородные баллоны тротилом.

Были группы вооруженные серьезным оружием, но его было очень мало не более 10-15 автоматов, пары пулеметов, столько же гранатометов. Эти группы оказывали ощутимое сопротивление оккупантам. Уже в первый день 14 августа, ими был взорван мост, через реку Томуш. Что задержало продвижение Грузинских войск на Сухуми. И постоянно проводились вылазки с целью завладения трофейным оружием.

С 27 августа по 18 сентября я присоединился к группе, организовавшая ночные дежурства на дороге, из г. Ткуарчал в село Тхина. Найдя узкое место между скалой и обрывом, наша группа заминировала скалу, чтобы в нужный момент перекрыть продвижения Грузинских войск в населенные пункты Тхина, Отап, Члоу.

18 сентября со стороны Грузинского села Араду, в сопровождении пехоты обстреливая на своем пути дома, зашел танк, пройдя с. Моква он дошел до центра с Члоу. население в панике покинули свои дома и скрылись в лесу. Пробыв там пару часов, они вернулись обратно.

19 сентября. Я на попутке поехал в город. Ткуарчал, где встретился с Владимиром Аршба, который на тот момент организовывал оборону г. Ткуарчал и сел Очамчирского района. Он поручил мне поехать в село Члоу найти там Начкебия Ленью и Кишмария Мераба и помочь им в организации обороны этих сел. Он дал мне записку, чтобы мне выдали бензин.

20 сентября. С утра уже на машине я выехал в село Члоу. По дороге в центре села Тхина я остановился возле группы беседующих людей, среди которых были мои знакомые. Поздоровавшись, попросил помочь мне наитии

интересующих меня людей. Один из них сказал Начкебия Лenea это я, так я познакомился с Лёней. Узнав о цели, с которой я его разыскиваю, он обрадовался.

Сказав, чтобы я ехал за ним, попрощавшись собеседниками, мы поехали дальше в сторону с. Члоу. Там мы поднялись вверх по ущелью район Аймара. Там в лесу находился самый настоящий партизанский лагерь с палатками замаскированный БРДМ, автобус, заполненный ящиками скального аммонала, капсулами, бикфордовым шнуром, бензовоз с бензином.

И еще блиндаж, в котором находилась радиостанция способная поддерживать связь с городом Гудаута, куда переехало правительство Абхазии, полевая кухня. И много молодых людей, готовых с гладкоствольным ружьем самодельной гранатой противостоять танку. Лenea познакомил меня и объяснил, с какой целью я к ним присоединился. В свою очередь я поклялся, что ни один танк не перейдет черту, которую я обозначаю.

Для чего мне нужна их помощь, на что мне ответили, куда ты туда и мы. В помощь мне назначили Зураб Кварчия, Костя Логуа, мастерскую для производства противотанковых самодельных мин предоставил Вова Ахуба, В этот же день, загрузив, в багажник моей машины ящики с аммоналом мы перевезли в нашу мастерскую и начали работу.

Собрав много пустых газовых баллонов, выкрутив головку, через воронку засыпали в него аммонал, добавляя в него болтики, гаечки, шарики, в общем, все, что могли протолкнуть в узкую дыру газового баллона. Для защиты Электра детонаторов от агрессивной среды аммонала применяли воск. И так в нашей мастерской собиралось много народа, каждый хотел, внести свой вклад в общее дело и для всех находилось посильное дело.

21 сентября. Загрузив готовые изделия в багажник моей машины, выдвинулись на передовую, надо было определить

место закладки, а главное определить точку для взрывника, точка должна была быть скрытой и с возможностью безопасно уйти после взрыва. На точках организованно дежурство, кстати, место закладки и точки для подрыва они выбирали сами, хотя мы ни всегда с ними соглашались.

Мы понимали, что время не на нашей стороне, чем больше выведем точек, тем эффективней их результат в нужный момент. По этому мы торопились, ведь в любой момент они могли понадобиться.

22-23 сентября. Продолжали работу по минированию дороги Моква - Члоу.

24 сентября. Мы перешли минировать подъездные дороги, ведущие со стороны Грузинской деревни Кочара – Моквский чайсовхоз, Кочара - Члоу, Кочара – Гуда, Кочара - Джгерда, Кочара – Кутол. На что у нас ушло около двух недель.

25 сентября. Мне пришлось отвезти семью в городом. Ткуарчал так как, простудившись, заболел мой сын. Мы остановились в доме моего дяди, Делба Вовы. К счастью сын проболел не долго, дядина жена Рита работала медсестрою, которая быстро вылечила его. В тот же день я нашел телемастера Отара Зухбая, обратился к нему за помощью изготовить, индикаторы для прозвонки цепи, наших самодельных мин, он, быстро сделав два индикатора, отдал их мне, пообещал сделать много, прислать их мне.

26 сентября. Оставил детей у дяди, я выехал, чтобы вернуться обратно с. Члоу и продолжить начатую работу. Заехал в военкомат, где на тот момент штаб восточного фронта, я узнал, что в с. Меркула с раннего утра идет бой. Увидев меня, Мераб Кишмария сказал никуда, неуходи, приедет Заур Зарандия (Лакут), поедешь с ним, ему надо помочь.

Оставив машину у дяди, я вернулся в военкомат. Дождавшись (Лакута), мы поехали в больницу, чтобы проведать раненых доставленных из села Меркула там мы

узнали, что от полученных ранений скончался Николаи Луц. Лакут ни скрывал слез. По дороге Лакут вкратце описал мне ситуацию, С раннего утра при поддержке бронетехники грузины пошли в атаку.

К счастью за четыре дня до этого. Он приобрел несколько автоматов и гранатомет, а главное с ним прилетел его друг Николай Луц, в своё время воевавший в Афганистан. Под его руководством было выбрано место, построен блиндаж. В момент атаки Николай с двумя бойцами находился в блиндаже, гранатометным выстрелом он подбил БМП.

Противник мощным огнем пытались выбить их из блиндажа, но это им не удалось. Тогда в атаку пошел танк, который так же был подбит из гранатомета Николая, после чего осколками от гранаты был смертельно ранен Николай Луц, и один из бойцов был ранен в руку. К тому времени подоспели еще бойцы, группы Скорпион противник отступил, бросив подбитую технику.

И так к нашему приезду бой полностью закончился, хотя он мог начаться любую минуту. Группа Скорпион совместно с бойцами Меркульской группы прошли вперед и заняли позицию ожидания, для того чтобы подошел трактор и волоком утащил подбитую технику. Я, в свою очередь, изучив местность с помощью местных бойцов, заложил под асфальт два газовых баллона заправленных аммоналом, с интервалом 50 метров, вывел провода для подрыва в блиндаж.

В этот момент на противоположной стороне дороги в тридцати метрах от меня прозвучал выстрел, пуля просвистела рядом, подняв голову я увидел парня который, обматерив что-то пнул нагой, прозвучал второй выстрел. Ты что делаешь, крикнул я ему, мертвый, а стреляет, показал на чайный куст он. Подойдя, я увидел между чайных кустов мертвого грузина, у которого палец был на курке, а в голове дырка от пули видимо выпущенная Николаем Луц. Выходит, они убили друг друга.

Время шло к сумеркам, когда я закончил свою работу, к тому времени трактор вытянул БМП, и потащил его в г. Ткуарчал чтобы, отремонтировать, это был первый трофейный БМП. Да и вообще первый контактный бой такого масштаба. Грузины не рискнули больше атаковать, хотя прекрасно видели, что мы утаскиваем их боевую технику.

Впоследствии Николай Луц заслуженно был награжден званием героя Абхазии посмертно. Лично я в этот день многому у него научился. Ночью с Гиви Адлейба на его машине мы вернулись в г. Ткуарчал.

27 сентября. Вернувшись с Члоу, я заехал в нашу мастерскую к Вове Ахуба, там меня ждали со вчерашнего дня, рассказав им о причине моей задержки, погрузив несколько готовых баллонов, мы с Зауром Кварчия выехали с Гвада. Там оценив обстановку совместно с Гвадинцами заложили три точки по два баллона.

28 сентября. С раннего утра мы с Зауром объехали все точки с целью прозвонить заложенные баллоны, а так же проверить, как замаскированы точки для подрывника. Затем мы продолжили закладывать самодельные мины (баллоны), по дороге Члоу – Гвада, на перекрестках со стороны с. Кочара. С селом Кочара на тот момент существовал негласный договор о ненападении. Во что я лично мало верил. Поэтому надо было быть готовым к худшему. И мы работали, а главное все больше народу помогали найти себя в общей борьбе с оккупантами.

29 сентября. Всю ночь лил сильный дождь. Была гроза, что беспокоило меня, ведь наши самодельные мины могли самопроизвольно сдвигаться от грозы, что и произошло на двух точках, это одна заложенная в центре с. Гвада, вторая по дороге между селами Члоу и Гвада. К счастью ни кто, не пострадал. Приехав на место оценив обстановку мы заложили новые баллоны.

30 сентября. Закончив закладку баллонов на скорую руку, мы приступили к более обдуманному выбору места закладки

баллонов и вывода проводов на хорошо замаскированные точки взрывника. Что позволило нам максимально продвинуться ближе к Грузинским позициям. Многие подрывники, обсудив между собой без нашей помощи, переносили место закладки и точку взрывника на новое место.

30 сентября. Обезжая точки мы обнаружили точку, не поддающуюся позвонки цепи, пройдя по линии, обнаружили обрыв проводов и тщательно замаскировано место обрыва. К тому времени необходимость в этой точке уже отпала, так как впереди были заложены новые точки. Но встал вопрос доверия людям, приходящим на точки. Было принято решение восстановить цепь проводов. Но то, что обнаружили обрыв держать в секрете. Человек, обрезавший провода мог замкнуть цепь, тогда мы ни обнаружили бы обрыва.

1 октября. Ночевал у Вовы Ахуба с утра поехал штаб отряда район Аймара, чтобы заправиться бензином, а так же обсудить текущие дела и узнать, что происходит в Гудаута. Радистом у нас в то время был Заур Кишмария, он сообщил, что с утра на подступах Гагра идет бой. Что Абхазские части совместно с конфедератами значительно продвинулись вперед.

Интерес к событиям в Гаграх был огромным, все понимали, что освобождение Западной границы Абхазии с Россией является стратегически важным моментом. Мне очень хотелось в данный момент находиться в Гаграх ведь последние одиннадцать лет, я прожил в этом городе. Большинство моих друзей сейчас участвовали в боях. Как они там, живы ли. Эти мысли не давали мне покоя. Хотелось все время находиться у радиостанции. Но надо было идти и выполнять свою работу. И мы работали.

2 – 6 октября. Продолжали переносить баллоны на новые места, и приходилось объезжать все существующие точки между Моквским монастырем и с. Гвада. Чтобы убедиться в

их боевой готовности. Пришло сообщение, что Абхазские войска с боями дошли до границы с Россией. Это сообщение воодушевляло.

7 октября. Предупредив, что меня ни будет несколько дней, уехал в г. Ткуарчал, чтобы убедиться, что дети в порядке. Увидев меня, дети бросились мне на шею, по их взгляду было видно, они недоедают, недосыпают, находятся в постоянном страхе. И главное неизвестно, сколько это будет продолжаться.

8 октября. К нам г. Ткуарчал пришла мама, она рассказала, что в с. Беслахуба ее подвез сосед Шенгелия ..., дальше по его просьбе на его машине до тети Раи в Тхина ее привезли ребята с. Беслахуба братья Киртадзе. Узнав от тети что, моя семья в Ткварчел, она в тот же день пешком добралась до нас в Ткуарчал. Прежде всего, она до нас добиралась, чтобы привезти теплые вещи, а так же продукты, хлеб, и сахар который мы не видели два месяца. Нехватка продуктов ощущали большинство жителей г. Ткуарчал.

9–15 октября. Занялся решением вопроса продовольствия, в чем мне помогли мои друзья из Администрации города, занимавшиеся гуманитарной помощью. Но она была ненадолго. Надо было думать об эвакуации моей семьи на большую землю (Гудауту). Что в ближайшее время было не возможно, отложил этот вопрос на более позднее время.

16 октября. Предварительно заехав к Отару Зухбая он приготовил для меня несколько индикаторов для позвонки цепи, забрав их, вернулся в с. Члоу. Там мы продолжили работу над точками, обеспечивая их безопасной надежной защите, для чего придумывали всякие приспособления в виде погремушек из жестяных консервных банок, для защиты подрывников от ночных не прошеных гостей.

В связи с тем, что у нас отсутствовали заводские мины против живой силы противника, мы разработали свою схему

подрыва, между миной баллоном и аккумулятором установили кнопку от холодильника, растяжку тонкой проволокой. Позже эта схема сослужила добрую службу в поселке Моквчайсовхоз.

17-22 октября. Занимались все той же работой над точками в селах Гвада, Джгерда, Чааркыт, Кутол, Томуш. 22 октября вечером я встретился с Леней Начкебия, он сообщил, что намечается крупная военная операция, где для меня отводится особое и ответственное задание и что затемно мы должны быть с. Кындги. Где я должен заминировать мост через реку Чаща и с засады перед колонной взорвать

23 октября. На рассвете мы были с. Кындги. По приезду мне выделили троих местных бойцов для сопровождения к мосту и изучения его на месте. Это была моя первая боевая операция, она требовала максимальной концентрации, так как на меня возлагалась большая ответственность. Придя на место, я обнаружил, что через реку Чаща было два моста, основной новый большой и старый расположенный немного в стороне.

Надо было взорвать новый большой мост. По этому, спустившись под мост, прикинув в уме схему закладки и количество аммонала. Поднялся на мост, пройдя вперед в сторону Сухуми, оглянулся вокруг, чтобы определить место для засады и подрыва. Метров в ста южнее от трассы увидел траншею, по расстоянию и обзору траншея мне подходила, и я пошел в ее сторону.

В этот момент со стороны Очамчира не далеко от моста прозвучала автоматная очередь, за тем еще, все ближе и ближе. Оглянувшись, я некого не обнаружил и понял, что слишком увлекся своими мыслями и не заметил, как ушел от сопровождающих меня людей, которые остались на противоположной стороне трассы. Заглянув в траншею, увидел, что она на половину заполнена водой, перепрыгнув, я забежал в лес, прилег в кустах и затаился.

В это время на мост забежала группа вооруженных людей, которые беспорядочно стреляли в противоположную от меня сторону, но иногда у меня над головой раздавались хлопки видимо разрывные пули. Через полчаса все стихло так же неожиданно, как и началось. Это событие не могло изменить мои планы, в предстоящей операции.

Поднявшись вдоль реки выше по течению. Я вышел к дороге, идущая на Кындги там мне помогли найти Леню Начкебия. В разговоре с ним я сказал, что для выполнения задания мне нужны люди, минимум сто килограмм аммонала, детонирующий шнур, сто метров провода и два электрических детонатора. На что он, поманив меня к своей машине, открыл багажник, там лежало больше двухсот килограмм аммонала, бобина детонирующего шнура и катушка провода.

Все это мы сразу же отвезли к мосту, быстро выгрузили и спрятали в кустах и вернулись обратно. Закладывать взрывчатку под мост решили вечером. К вечеру в Кындги подтянулись еще вооруженные люди, с ними приехали мои помощники Заур Кварчия и Костя Логуа с ними мы уже сработались и понимали друг друга с полуслова.

Вечером, захватив с собой лестницу, спустились к мосту, по заранее продуманной схеме, через полчаса заложили все двести килограмм аммонала, вывели провода к траншее. В траншее прорыли канал, чтобы вывести воду, на дно заложили свежее срубленные ветки ольхи. Точка для подрыва моста была готова, пошло время ожидания.

Ночью пришли местные жители предложили сменить нас до утра, чтобы мы могли отдохнуть. Сменив нас, отвели в дом, где можно было отдохнуть, в доме было человек семь, к сожалению имен, их я ни помню, помню одного Реваз Цурцумия (суслик). За столом пока ели из разговора я понял, что с. Кындги расположено с одной стороны трасса, другая границит с птицефабрикой Новый Кындги, где большая часть населения грузины, и они враждебно настроены.

Суслик предупредил меня, чтобы я был осторожен и не доверял всем, так как большая часть населения не верит в нашу победу. И по вине, таких как я, сожгут их имущество. По этому, чем меньше народу будет знать о предстоящей операции, тем вероятнее успех.

24 октября. Отдохнув часа четыре, на рассвете в сопровождении коммандира Кындыгской группы Аргун Валеры с которым я знаком со школьной скамьи мы пришли на точку. Там нас ждали, сменивши меня двое местных бойцов. После их ухода я прозвонил цепь проводов, индикатор показал обрыв, пройдя по линии, я обнаружил обрыв.

Выяснять причину времени не было, поэтому, оставив эти провода, от детонаторов провел новую хорошо замаскированную линию проводов. О том, что линия проводов была заменена, знали только я и Валера, а ему я доверял и попросил ни кому, ни говорить, что он и сам прекрасно понимал.

Часам к семи к нам присоединились бойцы Кындыгской группы во главе Джона Гогия, который сообщил, что у них есть самодельные бомбы в виде газовых баллонов, и две заводские противотанковые мины. И надо заложить их так чтобы нанести максимальный ущерб боевой колонне после взрыва моста. Обсудив, где и как заложить баллоны и куда вывести точку для подрывника начали работу.

Работали быстро, уже к одиннадцати часам все было готово. Нас осталось трое, Аргун Валерии, Мурман Агрба и я. В этот день по трассе движения не было, ни какого. Повезло тем, что рядом стояло здание насосной станции, в которую шли трубы с термальными водами со скважины. Было где погреться и в нужный момент быстро и не заметно пройти к точке подрыва.

Так прошел день, стемнело, неожиданно я услышал шум, над головой выскочив из здания, увидел низко летящий военный самолет, а за ним с интервалом две три минуты

другой еще ниже казалось можно камнем достать. Поздно ночью нас сменили до утра.

25 октября. Утром рано за мной зашел Рамин Хаджимба командир Тхинской группы, и сообщил, что с сегодняшнего дня мы будем работать вместе, и отправились к мосту, там нас уже ждали остальные члены группы. Это братья Амиран, Гарри и Мурман Хаджимба, А. Бганба, Г. Цулукия, Д. Кация, Р. Каджая. Я много слышал о боевых заслугах этой группы, и был рад, что они пришли мне на помощь.

Из вооружения у них был гранатомет и шесть автоматов. И так нас в здании насосной станции собралось восемь человек. За разговорами время шло незаметно, я рассказал им, что пережил в первый день по прибытию, как мне пришлось прятаться в кустах. Надомной посмеялись. В свою очередь каждый рассказал о своих пережитых чувствах, в аналогичной ситуации.

По рассказу командира группы самое трудное это справиться с чувством вины за гибель одного из бойцов группы. Которого ранили в ногу, и он длительное время пролежал под шквальным пулеметным огнем противника, помочь ему не было возможности. Он истек кровью. По трассе движения не было, но часам к трем со стороны Новый Кындги подъехала Волга, не доезжая моста, остановилась, из нее вышел человек и направился к мосту.

Допустить, чтобы он обнаружил, что мост заминирован и вернулся обратно, мы не могли. Времени на раздумье небыли, приняли решение, кто бы он ни был вывезти его на его же машине в деревню и удерживать его там до завершения операции. К нему вышли, Дима Кация и Г. Цулукия не смотря на его попытку оказать сопротивление, его быстро затолкали в машину и увезли.

Через полчаса ребята вернулись, они рассказали, что не прошенный гость абхазец, житель Новый Кындги. К мосту он приехал, чтобы опознать труп молодого человека выброшенного с моста, труп на тот момент уже два дня как

захоронен. Из чего я сделал вывод, что труп под мостом это повод контролировать состояние моста.

Поэтому нам надо было быть в двойне внимательнее, так как враг пославший, разведчика могли организовать серьезную атаку, и сорвать операцию. Под вечер мы вдруг слышали шум пролетающего над нами вертолета. Амиран схватив гранатомет, подбежал к воротам и приготовился стрелять, но я скомандовал отставить, выстрел не прозвучал. Амиран посмотрел на меня с вопросом.

На что я сказал, первое мы не знаем, чей это вертолет, второе за тобой семь человек ты нас мог покалечить и, в-третьих, сорвал бы операцию. Амиран согласился, но поник головой, ведь он упустил реальную возможность сбить вертолет. И так стемнело, по моим данным операция по освобождению города Очамчира должна была начинаться сегодня ночью, решили остаться на месте.

26 октября. Ночью шел сильный дождь, река вышла из берегов, меня беспокоила цепь проводов. Прозвонив, я убедился, что провода в порядке теперь на двух точках, пока ходил сильно промок, и замерз. Придя на насосную, я разулся, положил обувь на горячую трубу, присел так, чтобы видна была трасса. Ждать пришлось недолго, часам к одиннадцати, со стороны Новый Кындги я увидел ракетницу над трассой.

Скомандовал – по местам выпрыгнув в окно, побежал на точку, быстро подготовил взрыв-машинку к взрыву, стал ожидать, через десять минут я услышал шум движущейся техники. Выглянув из укрытия, я увидел, впереди колонны оторвавшись метров на сто, шел БМП, за ним тяжелый танк, Т.55, дальше военные крытые грузовики, Икарус и легковые автомобили, всего шесть или семь единиц.

Пропустив БМП дождавшись танка, перед тем как он заехал на мост я нажал кнопку взрыв, спустя пять секунд прозвучал мощный взрыв. Взрыв, от которого сотряслась земля, и с неба попадали глыбы бетона. Затем прогремел

второй, менее мощный взрыв это взорвались наши баллоны, зарытые под трассой, прозвучали подряд с небольшим интервалом три гранатометных выстрела.

Первым ответный огонь открыл БМП, который проскочил на противоположную сторону моста. Между нами и БМП шла лесополоса, видно было, как крупнокалиберный пулемет рубил ветки разлетались щепки от стволов деревьев, затем огонь открыли гвардейцы со стороны колонны. Ко мне прибежал Амиран, уходим, сказал он, пригнувшись, побежали в противоположную от трассы сторону.

От пуль нас прикрывала насыпь от траншеи. Пробежав метров сто пятьдесят, перешли железнодорожную линию. Там мы были в относительной безопасности. Решили дожидаться остальных, ждали недолго, минут через пятнадцать группа объединилась, все были живы здоровы. Пошли дальше вдоль железной дороги, пройдя метров двести, мы снова перешли железную дорогу и вошли в лес.

Там мы встретились с идущим к нам на помощь Джоном Гогия и Валера Аргун. Прилетел вертолет, он долго кружил над нами, но ни сделав, ни единого выстрела он улетел в сторону села, там как мы позже узнали, он обстрелял мирных жителей. От обстрела с вертолета в этот день погиб Заур Киут глава администрации с. Кындги и были ранены две женщины.

Встретившие нас ребята провели лесом к трассе, на безопасном расстоянии перешли ее. На противоположной стороне трассы сомкнулись с группой «Зигзаг» командир, Астамур Адлейба которая, ждала удобного случая подбить, БМП курсирующий взад вперед по трассе. И изрыгая из своего чрева огонь и железо. Перешедшие со мной трассу все были мокрыми, так как нам пришлось пробираться по пояс в воде, по этому надо было искать где можно просохнуть или переодеться.

Джон отвел меня к себе домой, дал сухие вещи, чтобы я переоделся, переодевшись, мы вернулись обратно. К тому времени стрельба прекратилась, наступило затишье. Так прошла моя первая боевая операция, мне хотелось пройти к мосту и своими глазами увидеть и проанализировать все, что там произошло. Дождавшись вечера, я в сопровождении местного парня, имени которого, к сожалению, не помню, прошли к мосту.

Мост был разрушен, так как я это предвидел, две мостовые балки были разрушены, остальные балки раскинуты по сторонам. Вся трасса была усыпана кусками бетона, камнями и стреляными гильзами. К сожалению БМП невредимый спустился на старый мост, переехал его на сторону колоны, и вместе с ней вернулись обратно на Сухум.

Задача была выполнена. Группы, приехавшие на помощь, уехали, так как главная задача в эти дни было освобождение Г. Очамчира, и важен был каждый ствол. Я же остался в Кындги ночью допоздна каждый присутствующий в доме, где мы ночевали, рассказал о том, что он пережил в этот день. В операции принимали участие с нашей стороны до пятидесяти человек.

Никто из них не погиб, но как я уже говорил, вертолетом обстреляли гражданское население села, где были жертвы и раненые. Этим - грузинские оккупанты пытались настроить мирное население против нас (группы сопротивления). Частично им это удавалось. Агрессивное настроение со стороны жителей я ощутил на себе.

27 октября. Утром мы пошли в дом, где для нас приготовили завтрак, вдруг ворвался молодой человек и с криком и упреками набросился на нас. Устроили диверсию, грузины придут, сожгут наши дома. Местные ребята вытолкали его на улицу, больше мы его не видали. Часам к девяти утра по трассе со стороны Очамчира появилось БМП, ведя интенсивный огонь с крупнокалиберного пулемета и скорострельной пушки.

Ни рискуя подняться на село Кындги, поднялся на противоположный холм за оврагом и оттуда обстреливал село. К такому поведению грузин сельчане были, относительно привыкши, меня же это беспокоило, раз БМП пришел из Очамчира, значит операция по освобождению г. Очамчира провалилась. Дождавшись первой идущей на Ткуарчал машины, я выехал.

К вечеру был дома у дяди, где находилась моя семья. В связи с тем, что дядя и брат каждый в своем подразделении, как могли, оказывали сопротивление оккупантам, отсутствовали, дома оставались одни женщины и дети. Грузинские войска методично со всех видов оружия это установка Град, вертолета, и даже с самолета СУ-25 обстреливают мирный город, убивая женщин, детей, стариков.

Становилось все больше ясно, что семью надо вывозить из блокадного города Ткуарчал единственный вариант это вертолет. Операция по освобождению города Очамчира провалилась, так как десант, который должен был высадиться с моря не смог высадиться, им помешал шторм. Большинство групп вернулись без потерь, группа

Скорпион вышла из города не вся, у них были потери, один погибший и десять человек оставались в городе среди них были раненые. От группы Деда Пачалия вышли несколько человек, по их словам группа попала в засаду, и большинство погибло. По городу траур.

28 октября по 5 ноября. Пытаюсь найти вариант отправить семью вертолетом в Гудауту. Для этого я каждый день ходил на городской стадион, куда прилетал вертолет с гуманитарной помощью, и на обратном пути забирал беженцев. Как я уже говорил, улететь на нем было весьма не просто, так как желающих улететь было сотни, а он мог увезти несколько десятков.

Протолкнуться сквозь какую толпу и еще с малыми детьми к вертолету не возможно. Кроме вертолетов с

гуманитарной помощью прилетали вертолеты, нанятые за деньги собранные населением Абхазии для приобретения оружия и боеприпасов переправки его в осажденный г. Ткуарчал.

Отправить на нем так же проблематично, первое он все время менял место посадки и разгрузившись, быстро улетал, второе это не безопасно, так как его не прикрывали с воздуха как вертолеты с гуманитарным грузом. И они летали на свой страх и риск, рисковать своей семьей я не мог, и оставаться в городе который постоянно обстреливался дальнбойной артиллерией и авиацией тоже риск.

6 ноября. Обратился за помощью, обещали помочь, немного позже, помогли с продуктами. По всей линии обороны идут постоянные перестрелки. В больницу привозят раненых, их очень много, а хирургов несколько человек. Они работали без устали днем и ночью. Услышав, что из с. Кындги привезли раненых, придя в больницу, узнал, что на грузинских противопехотных минах подорвались двое. Среди них Джон Гогия.

Придя в больницу, встретился с ребятами из села Кындги. Они рассказали, что враг заминировал подходы к трассе. Решил ехать с ребятами в Кындги, чтобы помочь отстоять деревню. На КАМАЗЕ с Асланом Киут выехали под вечер, заночевали в Члоу.

7 ноября. Утром выдвинулись с Асланом дальше и уже через час были на месте к нашему приезду. В Кындги шел бой, грузины при поддержке танка решили прорвать оборону и вытеснить наших бойцов из села. Но этот план у них ни получился. Так как танк подорвался на нашей мине. Получив отпор, они бросили танк, и отошли.

В качестве трофея достался, крупнокалиберный танковый пулемет и боеприпасы к нему. За неделю пока меня не было Кындги, многое изменилось. Первое - после взятия г. Гагра многие местные ребята с оружием в руках, прилетели в родную деревню и встали рядом со своими

братьями. Второе - командование усилило группой (Шаратын), и группой Ткуарчалского полка.

А также бойцы из села Тхина, которые были со мной во время моей первой операции, за исключением командира, который был ранен в голову и находился в госпитале в Гудаута. По приезду мы пришли в один из домов, где на тот момент был штаб, и находилась радиостанция. Радистом был Кишмария Зураб. К тому времени как я уже говорил враг отошел, в штабе стали собираться бойцы, со многими я к тому времени уже был знаком.

Пришли Аслан Зантария ком.3 полка, Леня Начкебия и другие. Они поблагодарили меня за то, что я приехал, сказав, что работа у нас предстоит немалая. Аслан дал мне два дня на изучение линии противостояния продумать, что где мы можем сделать, из того, что было в наличии. Это четыре противопехотные мины МОН-100 и три противотанковые мины.

Поручил командирам групп всячески помогать мне. Сопровождать меня вызвался Чачхалия Валера (ЧАЧХАЛ). Не успели мы договорить, как враг снова пошел в атаку. Все разошлись по своим позициям. И мы с Чачхалом пошли на позицию, где заняли оборону Ткуарчалцы. Не успели мы дойти до места, как стрельба прекратилась, враг отошел.

Позиции Ткуарчалцев располагалась в трехстах метрах от танка подорвавшегося часа три назад. Враг на этом направлении атаковал больше всего, видимо ждали тяжелую технику, чтобы вытянуть его. И мы тоже ждали, с села Кутол выехал трактор С-130, чтобы вытянуть на нашу сторону. Туда же через некоторое время пришел Реваз Цурцумия (Суслик), он принес с собой несколько канистр, надо слить солярку пока есть возможность, сказал он.

К танку пошли четверо Суслик, Чачхал, боец Ткуарчалского батальона и я. Придя на место, я обратил свое внимание, что враг видимо предварительно прошел с миноискателем нашел два баллона заправленные

аммоналом, выкинули их на обочину, решив, что дорога свободна, пустили танк, который подорвался на заводской противотанковой мине.

Слив больше ста литров солярки по канистрам перенесли ее к себе. Слив солярку в бочку мы вернулись, чтобы набрать еще, но в это время со стороны врага донесся звук техники. У Суслика была противотанковая граната, времени на раздумье не было. Оставив Суслика у танка, мы втроем отошли. Звук техники доносился все отчетливей сомнения небыли это БМП.

Суслик тоже это понял, выдернув чеку, он с близкого расстояния забросил гранату в открытый люк механика водителя, прозвучал взрыв, Суслика отбросило на пару метров, он упал, пришлось бежать ему на помощь. Через пять десять минут мы все были на безопасном расстоянии. Враг снова бросился в атаку, но было уже поздно, танк разгорался, через полчаса внутри танка начали взрываться боеприпасы.

В этот раз бой затянулся, несколько часов со стороны врага не жалея боеприпасов шел мощный огонь. В отместку за танк грузины сожгли два дома. Танк горел до утра, периодически в нем взрывались боеприпасы. Ночевали в доме близ позиций Ткуарчалцев.

8 ноября. Утром из Ткуарчал приехала смена, они должны были сменить, бойцов которые вот уж неделю успешно и без потерь отбивают все атаки противника. Чачхал поинтересовался у вновь прибывших бойцов, имеют ли они опыт боевых действий, оказалось только двое, остальные как говорится, пороха ни нюхали.

Поэтому в течение нескольких часов, предыдущая смена проводила инструктаж, рассказав как себя вести во время атаки противника, порекомендовали вырыть дополнительные окопы, я в свою очередь установил две противопехотные мины МОН-100. Часам к двенадцати

сменившиеся Ткуарчалцы уехали, и нам надо было перейти на позиции группы Шаратын.

Расстояние между этими позициями около километра, путь наш лежал вдоль реки Чаща. Пройдя немного, Чачхал короткими очередями открыл огонь в сторону врага. Противник ни заставил себя долго ждать. Ответило не менее десяти стволов. Перебежками продолжали путь. Придя на позиции занятые группой Шаратын, нас встретили радушно. Посмеялись, заставили мол, побегать гады.

О группе Шаратын я уже был наслышан. Эта группа немалую роль сыграла в боях за освобождение г. Гагра и в местах противостояния на Гумистинском фронте. На восточный фронт группу перебросили на вертолете в конце октября, с того дня место дислокации группы - село Кындги. Группа, окопавшись, успешно отбивала атаки противника. Мне у них было чему поучиться.

Многих из группы Шаратын я знал, командир Руслан Кулава с ним мы учились в одной школе, Амиран Аршба, Аркадии Чачхалия. Все трое отдали жизнь за свободу Апсны. Пройдя по линии противостояния (фронта), я убедился, что врагу тут не пройти, надо было переходить на позиции занятые группой жителей с. Кындги.

Позиции эти располагались по центральной улице, идущей от трассы к центру села, а также по бокам слева и справа от дороги, на которой лежал асфальт и небыли возможности уложить заводские противотанковые мины. По этому, не нарушая асфальтного покрытия, сбоку подкапывали и укладывали под асфальт те самые самодельные болонь мины.

Противник знал об этой хитрости и не решался направить бронетехнику. Для чего не однократно предпринималось, с помощью саперов обнаружить и обезвредить эти баллоны. Так на центральном посту нам рассказали, что сегодня с утра противник предпринял попытку, направив сапера по дороге прикрывая группой до двадцати человек.

Подпустив по ближе, расстреляли сапера и нескольких гвардейцев, остальные открыли ответный огонь. В связи с тем, что наши ограничены боеприпасами, пришлось отойти на безопасное расстояние. Из рассказа бойцов я сделал вывод, что враг преследует цель оттеснить нас дальше от трассы, чего он частично достиг, оттеснив на несколько километров.

Потеряв возможность для работы на трассе, руководство фронтом решило подготовить скрытно от врага позиции расположенные непосредственно близко от трассы (Ануаа-рху). Расстояние от позиции занятой Кынгской группой и (Ануаа-рху) километра четыре непроходимый для тяжелой техники овраг.

До наступления ночи оставалось часа четыре, и мы с Чачхалом решил пройти на позиции (Ануаа-рху), подготавливаемые нашими группами вблизи трассы. Через час мы были на месте, где кипела работа, бойцы рыли окопы и строили блиндажи, под руководством Мушни Хварцкия. Позиция возвышалась над трассой на расстоянии трехсот метров обзор трассы отличный между трассой и окопами пустырь, по трассе одно строение пост гаи.

Лучшего места для засады нельзя было придумать, мне эта картина напомнило неприступную крепость (Анакопию). Единственная помеха это опора ЛЭП, над окопами, и достаточное количество боеприпасов. Времени у нас с Чачхалом не осталось начало темнеть, надо было возвращаться.

Тронулись в обратный путь, дойдя до края обрыва, мы поняли, что без помощи проводника идти дальше было не возможно, так как наступила полная темнота. На краю обрыва стоя ли несколько жилых домов в одном из них находились хозяева, остальные покинуты хозяевами.

Зашли в дом, в котором были хозяева, попросили помочь, хозяин предложил остаться до утра, мы отказались, тогда он согласился провести нас, но позже, а сейчас мы должны

поужинать. После ужина хозяин провел нас через овраг. Ночевали в штабе села Кындги.

9 ноября. Утром в штабе собрались командиры групп, часам к семи подошел и Аслан Зантария. Разговор начал Аслан он рассказал о том, что наша задача перекрыть трассу и удерживать ее как можно дольше. Для чего готовится позиция на Ануа-рху, что бы удержаться на этой позиции нам всем надо подготовиться и стоять насмерть. Разговор был не легкий порой на повышенных тонах, требования, это оружие и боеприпасы.

Каждый считал на его позиции труднее удержаться. Так как противник каждый день атакует или имитирует атаку, чтобы обескровить, то есть лишить и без того скудные запасы боеприпасов. Аслан пообещал в ближайшие дни подкинуть, а пока обходиться тем, что есть и просил передать бойцам, чтобы экономили каждый патрон. Я в свою очередь дал оценку по каждой позиции.

По моему мнению, чтобы выбить наших бойцов из Ануа-рху, враг начнет штурмовать Кындги или Чааркыт. В Кындги по центральной дороге, ведущей от трассы, и порекомендовал выполнить кое-какие работы по минированию имеющимися в наличии минами. Предложил свою помощь в выборе места и закладки мин. Часам к девяти все разошлись по своим позициям.

Я с Гари Хаджимба и Чачхалом пошли на позиции занятые Тхинской группой, так как они были ближе всех от штаба. Там мы должны были дожидаться бойцов из села Томуш. Чтобы помочь им подготовить позиции между Тхинской и Атара-Абхазской группами. Расстояние между этими группами было большое, противник мог беспрепятственно зайти в тыл.

Ждать пришлось недолго, и мы отправились определять место для устройства позиции. В течение двух часов все работы были выполнены. А это - две мины направленного действия МОН-100, и одна наша самодельная мина (газовый

баллон), все эти мины дистанционного действия, поэтому провода были выведены к месту, где надо было рыть окопы и строить блиндаж.

Дальнейшие работы взяли на себя Томушцы. Мы отправились на позиции занятые Ткуарчальцами. Придя на место, бойцы рассказали, что после нашего ухода вчера, противник пошел в атаку, и они с большим трудом отбили атаку. Чачхал признался, что это он спровоцировал врага, для того чтобы обстрелять, необстрелянных бойцов.

Бойцы обиженно переглянулись, попросили больше так ни делать. Я свою задачу выполнил, пошутил Чачхал. К вечеру пошел дождь, стало холодно и сыро. Ночевать остались в казарме вблизи позиций Ткуарчальской группы.

10 ноября. Дождь не прекращался, до двенадцати часов просидели в казарме, решили пробежаться до штаба на полпути встретились с Ткуарчальским начальником гарнизона Адлейба Гиви, который привез подкрепление, троих бойцов и боеприпасы. Один из бойцов со снайперской винтовкой. Гиви поинтересовался, есть ли здесь такое место, откуда мог бы поработать снайпер и спросил можно ли раздобыть солярки.

Объяснив место в чайной плантации, где они могут найти канистру, с соляркой спрятанную нами два дня назад слитую с танка. Попросил обождать меня пару часов, пока я отведу снайпера на позицию Кындыгской группы с нее, видна трасса и ферма, на территории которой стоял танк и находились военные. Договорившись, мы разошлись. Придя на позиции Кындыгской группы, бойцы согласились отвести снайпера ближе к ферме.

Через некоторое время слышались одиночные выстрелы, это работал наш снайпер. Сделав несколько выстрелов, он стих, видимо стрелять было некого, все попрятались. Пауза длилась недолго. С противоположной стороны оврага противник выпустил НУРС по месту, откуда стрелял снайпер. К счастью снайпер и сопровождающий его

боец вернулись целые и невредимые, хотя по глазам виден был испуг.

Ты впервые работаешь со снайперской винтовкой, спросил я его, по людям впервые, скорее всего, ранил. Ни чего набирёшься опыта жалеть их не надо, их никто назвал, не ты их- то они тебя, постучав по плечу, успокаивающе сказал Чачхал. Мы отправилась к месту, где нас ждал Гиви. Вечером мы с Гиви выехали в Ткуарчал.

11 ноября. Ночевал в Ткуарчал у дяди в кругу семьи. Утром разбудил мощный взрыв, от которого сотряслись стены и посыпались стекла из окон. Это начался обстрел города ракетной установкой «Град», от которого в доме начался переполох, женщины и дети, собрались в одной из комнат, как на тот момент казалось самое безопасное место в доме от ракет.

Обстрел продолжался не долго, но как выяснилось позже, он принёс с собой жертвы и разрушения. Обстрел города Ткуарчал враг проводил ежедневно, для чего применял авиацию и дальнобойную артиллерию. В связи, с чем беспокойство за семью усиливалось. Первоочередная задача отправить их вертолетом гуманитарной помощи на большую землю в Гудауту.

12 ноября. Сегодня день рождения моей дочки ей исполнилось два года. Решили дежурить в местах прилета и посадки вертолётa. Дежурили в течение восьми дней, без успешно.

20 ноября. Сегодня день рождения моего сына ему исполнился годик. На конец, удалось с помощью командующего фронта Мераба Кишмария, который проник в вертолет через кабину лётчиков, вытолкал из салона несколько мужиков, буквально затащил моих детей и жену и за ними закрыл двери.

Вертолет улетел, я же пошел в военкомат ближе к радиостанции, чтобы убедиться, что вертолёт долетел благополучно, через час пришло сообщение, что вертолет

благополучно приземлился в городе Гудаута. Я с облегчением вздохнул, там, на большой земле мои дети в безопасности.

Там же в военкомате встретил Илью Гамисония начальника штаба Ткуарчалского полка, обратился к нему с просьбой о переводе моего брата Тимура в формирующуюся противовоздушную часть. На тот момент Тимур числился в группе «Скорпион» так как у него не было оружия, его назначили помощником гранатомётчика, и носил снаряды (выстрелы).

И во время Очамчирской операции 12 октября в момент попадания танкового снаряда в наш БМП Тимур и несколько бойцов группы «Скорпион» бежали за ним и от взрыва погиб Автондил Берзения, получили осколочные ранения Роберт Эмурахба, Тимур потерял сознание, его контузило. В конце ноября Тимура назначили старшим смены на точке, с ракетой земля воздух «Стрела» он посменно охранял воздушное пространство города Ткуарчал.

21 ноября. В штабе ВФ встретился с ребятами из Члоу. Они познакомили меня с недавно прибывшим и выбранным командиром Члоуской группы Савиком Джопуа. От него я узнал, что во вновь сформированной группе из вооружения двенадцать автоматов один гранатомёт, группа дислоцируется Моквчайсовхоз по линии противостояния Моквчайсовхоза – Цагера, Члоу-Кочара.

Славик предложил продолжить работу по укреплению позиций линии противостояния. Я согласился, в тот же день мы приехали в Моквчайсовхоз. Там помимо Члоуской группы дислоцировалась Цхенцкарская группа командир Какалия Юра. По приезду мы узнали, что с утра грузины предприняли попытку силами большого количества солдат без сопровождения бронетехники захватить стратегически важную высоту Моквчайсовхоза.

Для чего враг одновременно с трёх сторон атаковали наши позиции. Но, получив отпор, позорно бежали, оставив

на поле боя погибших и раненого бойца. А также несколько автоматов и боеприпасы. Раненый восемнадцатилетний парень грузинской национальности из Кахетии, пуля попала ему в шею, не задев жизненно важные органы, выбила зуб. Вечером собрались свободные от дежурства бойцы, чтобы проанализировать и усилить наши позиции, так как было ясно, что враг решил любыми путями захватить высоту Моквчайсовхоз.

22 ноября. С утра, вооружившись лопатами и кирками, выдвинулись на заранее намеченные точки, весь день по всей линии обороны мы рыли окопы. А так же установили две противотанковые заводские мины. Со стороны противника тоже видны были приготовления, слышно было гул тяжёлой техники.

Со стороны села Кочара устроив наблюдательный пост, с этого поста видны были все наши приготовления, враг фиксировал их. С наступлением темноты, оставив смену на постах, поднялись в посёлок, чтобы отдохнуть и набраться силами.

23 ноября. С утра снова спустились на позиции, чтобы продолжить работу по укреплению позиций. День прошёл без особо запоминающихся событий.

24 ноября. Затемно часа в четыре утра нас подняли по тревоге, сообщили, что в районе первого поста прозвучал мощный взрыв и слышна перестрелка. Уже через пятнадцать минут мы впятером были в районе первого поста. С ходу открыли огонь, по удаляющемуся периодически отстреливаясь врагу. Встретились с нашими бойцами, которые были на смене, они рассказали.

Что в ложине в сто пятидесяти метрах от точки подрывника, взорвалась наша самодельная мина ловушка, «газовый баллон, заправленный аммоналом» после чего слышны были крики, стон и громкая грузинская речь. Так как было темно, наши бойцы открыли огонь, ориентируясь

голосов. Перестрелка продолжалась недолго, под покровом темноты противник отошёл.

Нам оставалось дожидаться рассвета. На рассвете, пройдя к месту взрыва баллона, мы обнаружили пять изуродованных трупа грузинских вояк и много кровавых следов волочения. Замысел врага был ясен, под покровом ночи в сопровождении проводника они решили обезвредить точку подрывника, пропустить технику, и занять стратегически важную высоту Моквчайсовхоза.

К восьми часам утра со стороны трассы появилась тяжелая техника танк т-55,и БМП. Сомнений не было, враг готовится к атаке. Мы разошлись по заранее подготовленным окопам и подготовились к отражению атаки. Я, Заур Кварчия, и боец группы Моквчайсовхоза расположились в крайнем правом окопе, наша задача не дать возможность врагу зайти в тыл.

Так как наш окоп располагался на краю хребта между двух грузинских деревень Цагера и Кочара. Нам видны были все передвижения вражеской техники, которая в течение часа демонстрировал сваю мощь, периодически выстреливая из пушки в нашу сторону. К танку подъехал МАЗ жёлтого цвета, из которого перегружали снаряды в танк. Через некоторое время он снова появился уже на противоположной стороне, на возвышенности села Кочара, с неё видны все наши передвижения.

Враг пошел в атаку, БМП ведя интенсивный огонь со всех видов имеющегося оружия, беспрепятственно поднялся и в ста пятидесяти метрах от места, где были заложены наши баллоны, в укрытии за домом остановился. Вражеский танк, съехав с центральной дороги ведущей к посёлку, поехал в объезд и подорвался на противотанковой мине установленной нами на кануне.

Что существенно повлияло на исход задуманной врагом операции. На помощь нам пришли Меркульцы во главе Зауром Зарандия «Лакут» и Моквинцы во главе Лорик

Когония. Основная наша задача это удержаться и не пропустить врага в посёлок. Для чего разделившись, заняли оборону на двух параллельно ведущих к посёлку дорогах. Враг замешкался, слышны были голоса скандалящих между собой на грузинском языке вражеских командиров.

Мы в свою очередь воодушевлённые успехом, подбадривая друг друга, несколько раз имитировали атаку в надежде выманить БМП под гранатомётный выстрел. Гранатомётчиком у нас был Уратадзе он, перебегая с места на место, пытался взять его на мушку, но ему это не удалось. БМП невредимый спустился, зацепил танк и утащил его восвояси. На этом вражеский план занять стратегически важную высоту Моквчайсовхоза провалился.

К концу дня группы, прибывшие на помощь, поздравив друг друга с успехом, разъехались по своим позициям. Не смотря на то, что враг значительно превосходил нас численностью и вооружением. Нам удалось отбить атаку врага за счёт сплоченности и героизма наших бойцов.

25 ноября – 26 ноября. Занимались укреплением позиций и закладкой противотанковых заводских мин.

27 ноября. Командование восточного фронта приняло решение атаковать село Цагера расположенное по трассе Очамчир – Сухум. Для чего сконцентрировав в посёлке Моква чай совхоза до ста пятидесяти свободных от вахты бойцов. Вечером с наступлением темноты тремя группами с боем заняв окраину села, удерживали в течение нескольких часов.

Так как враг не ожидал от нас такой дерзости, нанесли врагу значительный ущерб, уничтожив несколько вражеских солдат, захватив трофейное оружие и боеприпасы, без потерь под утро вернулись обратно. Таким образом, командование фронтом показало врагу: первое, что теперь мы можем, и будем наказывать их за преступления, которые они вершат: второе, это опыт, приобретенный бойцами принимавшие участие в операции.

28 ноября. Решил ехать в Ткуарчал, сообщив о своем решении Славику Джопуа, я с группой (Скорпион) прибывшая накануне и принимавшая участие в Цагерской операции выехал в город. Приехав в дом к дяде, где на данный момент находится моя мама и брат Тимур. Нас беспокоила судьба папы, который находился на оккупированной территории города Очамчира.

По слухам, доходящим до нас грузинские военные это звери в человеческом облики для которых возраст не имеет значения. Для них люди не грузинской национальности это изгои, которых надо изгонять, издеваться насилловать и убивать. В связи с чем, надо было думать, чем и как я могу помочь папе.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

**Фамилия, имя, отчество участников команды
«Эдельвэис» с 1992 по1993 гг.**

**Сердюков Андрей Васильевич
Аршба Заури Константинович
Ковалев Сергей Борисович
Дорофеев Андрей Борисович
Смирнова Ульяна Владимировна
Плиева Марина Зауриевна
Марченко Анна Владимировна
Омельник Алексей Анатольевич
Городник Владимир
Парфиреаич
Пискунов Сергей Игоревич
Жданов Валентин Васильевич
Медведский Владимир Игнатьевич
Лоскутов Андрей Николаевич
Левченко Юрий Иванович
Першин Андрей Эдуардович
Сысоев Юрий Ермолаевич
Афонин Александр Александрович
Туляков Олег Игоревич
Пипия Зураб Чичикович
Аршба Руслан Алексеевич
Глоба Сергей Викторович
Гарипов Рашид Татарович
Иваницкий Евгений Евгеньевич
Овчинников Вячеслав Дмитриевич
Гамгия Олег Павлович
Зейтунян Алик Рафикович
Вартанян Алексей Григорьевич
Сычев Андрей Николаевич**

Величко Андрей Николаевич
Хатхва Вахтанг Михайлович
Яковлев Анатолий Анатолиевич
Чкадуа Ибрагим Мегонович
Колодяжная Елена Валериевна
Солосин Андрей Николаевич
Какулия Рено Сократович
Буюклян Саак Ардашелович
Горзолия Тенгиз Чичикович
Аралов Владимир Ильич
Майорова Элеонора
Варелджан Аик Григорьевич
Калейджян Алексей Завенович
Петикян Андроник Суменович
Харчилава Нодар Буджгович
Клычѐв Сафарбей Владимирович
Трапизонян Рамаз Сергеевич
Валиулин Равиль Гулирович
Дробинин Игорь Захарович
Лазовой Пётр Александрович
Суворов Андрей Викторович
Земляков Александр Владимирович
Харчилава Вахтанг Сергеевич
Пипия Рудик Петрович
Пипия Эрик Рудикович
Логуа Тимур Резович
Моторкин Юра
Богаев Султан «Сергей»Султанбекович
Панков Михаил Николаевич
Аргун Юра
Минная Даур Владимирович
Минная Даур Владимирович
Черник Генади
Васильевич
Сапаров Сергей Гульямович

**Анцупова Наталья Владимировна
Урсу Сергей Васильевна
Делба Зоя Николаевна
Барциц Эллина Султановна
Аршба Наташа Александровна**

**Зам ком. Группы по л./ с.
Аршба Заур Константинович**

**Начальник штаба восточного фронта.
Джопуа Батал Рушневич**

ГЛАВА 4. ФОТОБИОГРАФИЯ

**г. Ткварчели.
Памятник шахтеру**

г. Ткварчели

Константин Михайлович Аршба

г. Ткварчели

**Константин Аршба со своим командиром
разведбаталена**

**Слева третий (в белой папахе) Константин Аршба с
немцами (он внедренный разведчик)**

**После войны Константин Аршба со своим
командиром разведбаталена**

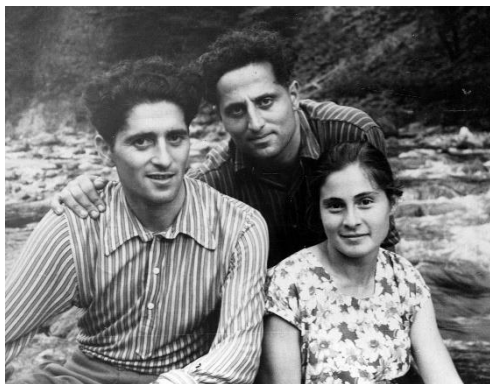
Константин Михайлович Аршба после войны 1941-1945 гг.

Зоя Николаевна Делба

**Зоя Николаевна Делба в окружение своих родителей,
сестер и брата**

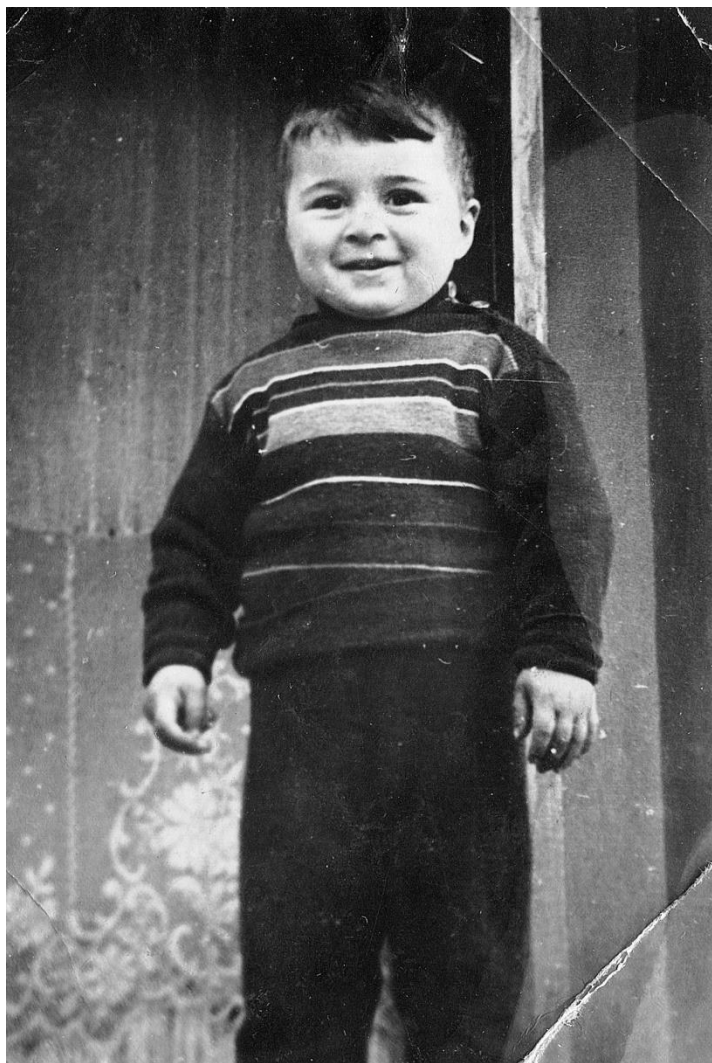
Константин Аршба со своей молодой супругой Зоей Делба и двоюродным братом Черной Аршба

Константин Аршба с супругой Зоей Делба – начало их долгой счастливой семейной жизни

Заира Константиновна Аршба

Заур Константинович Аршба

Константин Аршба

Зоя Делба

Супруги – Константин Аршба и Зоя Делба с младшим сыном Тимуром

**Заира Аршба выпускница
Ткварчельской средней школы №1**

Заур Аршба с одноклассниками

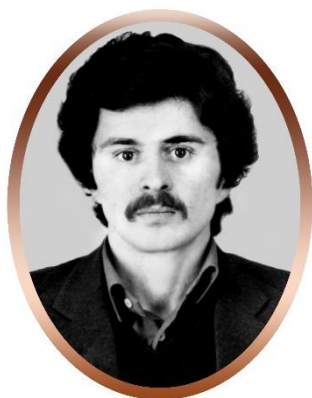
Заира Аршба с супругом Алексеем (Эдуардом) Чагава

**Встреча всех родственников со стороны матери Заура
Аршба**

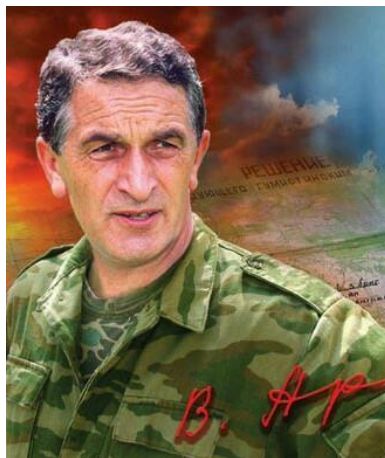
Заур Аршба и Елена Барцыц

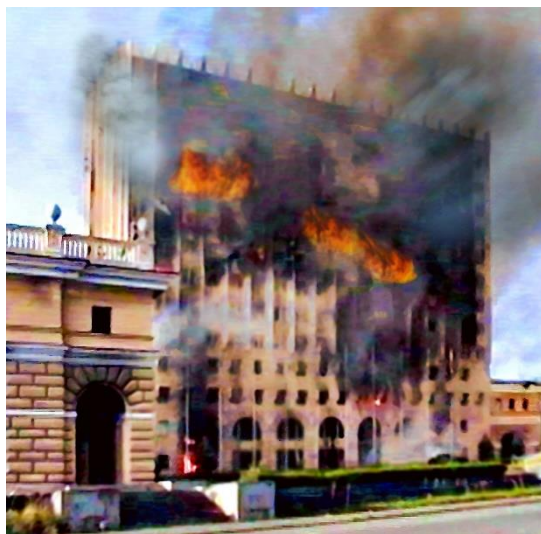
Свадьба

Виталий Бганба и Реваз Гагуа – друзья Заура Аршба

Президент Абхазии – Владислав Ардзинба

Начало грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.

Во время и после боя

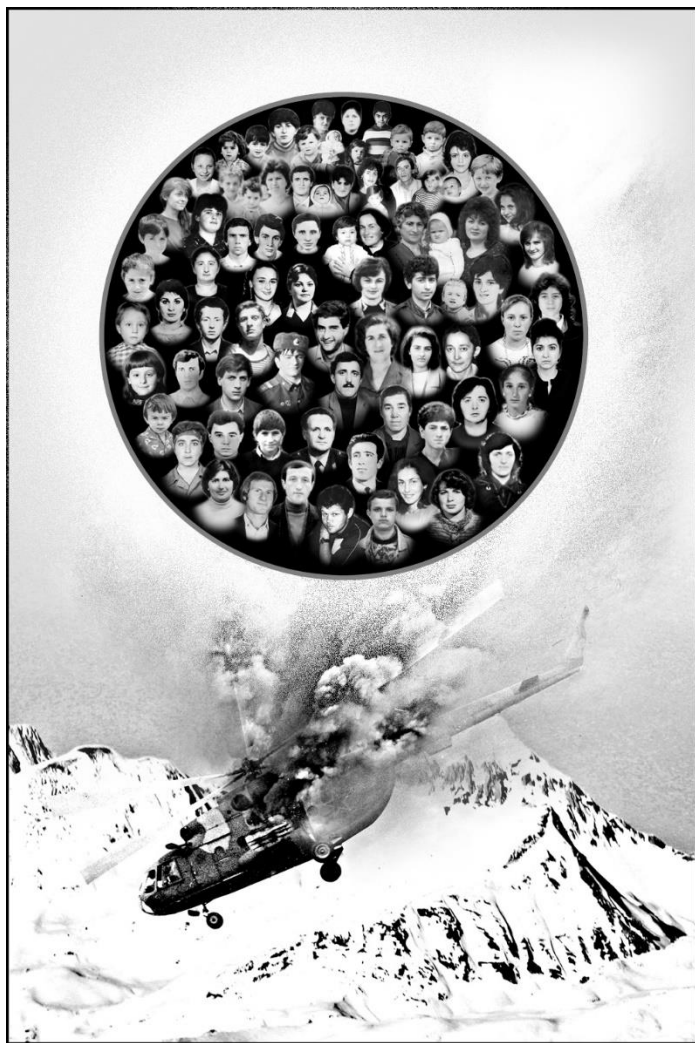

Весть о гибели сына

Стоит слева первым – Тимур Аршба, фото после боя

14 декабря 1992 года – Латская трагедия, гибель людей

Победа абхазов в грузино-абхазской войне

Президент Абхазии – Владислав Ардзинба

Ткварчели «Город – Герой»

Признание Россией – независимости Абхазии

Здание администрации г. Очамчира

Морской порт города Очамчира

**г. Очамчира.
Елорский Православный Храм**

Заур Аршба со своими близким

Племянницы и племянник Заура Аршба

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Вкратце о моем роде Аршба.....	3
Глава 2. Биография моей семи.....	42
Глава 3. Грузино-абхазская война 1992-1993 гг.....	45
Глава 4. Фотобиография.....	82

**Заур
Константинович
АРШБА**

**«МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ»**

**Компьютерная верстка – Белогур С.А.
Фотохудожник – Волков В.Р.**

**Формат 60 х 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура
Minion Pro SmBd. Печать высокая офсетная. Объем 5
п. л. Заказ № 637. Тираж 500 экз. Цена договорная**

**Отпечатано в типографии ООО «Мимоза».
Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Абазинская, 22**

